Цена 3 фр. Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 3 Декабрь 1934 г.

П. МИЛЮКОВ

1935-ый год

Наступает « страшный » 1935 - ый год. « Страшный » — потому, что с этим годом связывались самые основательные опасения за судьбу европейского мира. Как в Берлине, так и в Токио, 1935 - ый год намечался довольно откровенно, как год решения германо - японских претензий на бранном поле. Германия связывала с нимъ надежду на осуществление своего равноправия в вопросе о вооружениях; Япония — столь же решительное освобождение себя от уз, наложенных Вашингтонским договором на ее морские вооружения. С двух сторон эта международная кон'юнктура грозила России новым разделом: с Востока грозила потеря Приморья, с Запада — захват Украины, сопровождаемый общим восстанием нерусских народностей. Русская эмиграция перед лицом этих возможностей, резко разделилась на два лагеря. Одни смотрели на их осуществление, как на повод к низвержению советской власти; другие стали на сторону русской власти, какова бы она ни была, в ее защите национальных русских интересов и целости государственной территории. Автор этих строк год тому назад стал на «оборонческую» точку зрения, вызвав этим враждебную кампанию со стороны добровольных «пораженцев».

Прошел с тех пор год. Изменилось ли за это время международное положение? Грозит ли России та-же опасность на двух противоположных границах? И если да, то в какой степени эта опасность стала более близкой, непосредственно грозящей нашей родине?

Конечно, опасность не миновала. Недаром в своей речи 6 ноября такой знаток международной кон'юнктуры, как чехословацкий министр иностранных дел Э. Бенеш, признал положение угрожающим « la situation internationale est grave » Но в той же речи перед парламентом он прибавил, что, хотя этот «тяжелый 1935-ый год» и «решит, вероятно, будущую судьбу Европы», — но для этого окончательного решения понадобится еще «12 - 18 месяцев», в течение которых ход событий будет находиться еще в руках «ответственных руководителей».

Очевидно, имеются на лицо причины, которые отсрочивают грозящую в 1935 году развязку. В чем эти причины заключаются? Разбор их и составляет задачу этой статьи.

Первой и главной причиной, по моему мнению, является то обстоятельство, что грозящая Европе и всему миру война за этот год потеряла характер экспромта и импровизации. Призванная защищать мир часть Европы поняла опасность и успела быстро приготовиться к ее отражению. *Внезапного* нападения и на наши границы с востока или запада теперь уже быть не может. Не буду напоминать о тех приспособлениях европейских народов к новому положению, которые состоялись уже в прошлом году. Смысл этих приспособлений — спешное создание общего фронта против возможного нарушения мира. Но международная работа в этом направлении продолжалась и втечение всего настоящего года — и достигла больших успехов. Она продолжалась под давлением новых разительных признаков растущего варварства — таких, как убийства 30 июня в Германии, убийство канцлера Дольфуса, наконец, марсельское злодеяние. Враги мира вновь напомнили о себе этими событиями. Всего характернее, что они уже не вызвали того панического настроения, каким сопровождались прежние антикультурные выступления Германии и Японии. Характерно также и то, что на этот раз предохранительные меры по организации европейского мира шли уже не только по линии укрепления положения держав - победительниц в великой войне. Границы между ревизионистами версальских договоров и их защитниками не то что исчезли, а как то сдвинулись в сторону. Вместо деления всей Европы на два военных лагеря, чего можно было бояться, как самого опасного симптома приближения нового вооруженного конфликта, появились, по примеру Малой Антанты, дальнейшие «региональные»

группировки, имеющие, несомненно, чисто предохранительный характер. Так сложилась новая балканская группировка, только что заявившая о своем существовании с'ездом в Анкаре. Сгруппировались, с другой стороны, давно уже стремившиеся к такой группировке прибалтийские государства. Целью этих об'единений было, явно, не подчинение сильным, а достижение равновесия, путем параллельного, равноправного действия с великими державами. Возник, наконец, вопрос и о заключении общего «Восточного пакта», — и судьба этого предположения явственно подчеркнула, где идет граница между организациями, стремящимися сохранить мир, и единицами, грозящими его нарушить. Я нарочно подчеркиваю эту разницу между «организациями» и «единицами», чтобы показать, чем отличается теперешняя группировка держав от прежнего деления на два лагеря.

Но «единицы» тоже могут сгруппироваться. Германские самочинные вооружения, двусмысленная политика Польши, колеблющаяся линия итальянских вожделений, раз'езды венгерского министра между Берлином и Римом, беспомощное положение в Австрии, непосредственно грозящая судьба Саарского плебисцита, все это — те черные точки, над устранением которых вынуждена теперь работать с'организовавшаяся для мира часть Европы. По сравнению с ними сдержанная политика Англии представляет фактор, не поддающийся внешним воздействиям.

Достаточно ли *неблагоприятна* для мира группировка всех упомянутых факторов, чтобы его нарушить? Быть может, *да, если* такая группировка окажется возможной и если черные точки сольются в общий очаг пожара. Наверное, *нет, если* и между ними произойдет сортировка, и при этом окажутся окончательно изолированными те, со стороны которых грозит наибольшая опасность.

Надо думать, к этому направлены очередные усилия дипломатии держав, стремящихся к сохранению мира. Поездка Лаваля в Рим, быть может, выяснит позицию Италии, побудив ее отказаться от своего австрийского и югославского козыря. Другой стороной, постепенно теряющей свои козыри, является Польша. Ее последние колебания по вопросу о присоединении к Восточному пакту, показывают снова — и несколько неожиданно — что ее окончательный выбор еще не сделан. Как стоит дело сейчас, — вопрос сводится к тому, кто из двух будет изолирован, оставшись за пределами Восточного пакта: Польша или Германия. Вероятно, постановка этого вопроса ребром и заставит польскую дипломатию придти к окончательному решению.

Сравнительно с этими существенными факторами дипломатической игры, раз'езды Гембеша и Риббентропа по Европе, очевидно, приобретают второстепенное значение. Их видимый неуспех с особенной отчетливостью иллюстрирует, в какую сторону направляется общее настроение Европы.

Нельзя, однако же, успокаивать себя ростом этого преобладающего настроения. Обращаясь снова к речи чехословацкого министра, мы находим в ней многозначительную фразу: при настоящем положении «всякое, хотя бы незначительное событие легко может произвести впечатление разорвавшейся бомбы». Если непосредственный смысл этой фразы сводится к совету — быть наготове на всякий случай, то не исключен здесь и намек на возможность воздействия невесомых, так сказать иррациональных элементов. Элементы эти играют, как познано опытом, очень большое значение в вопросе о войне и мире. Такие **imponderabilia**, как опять таки известно, грозят, главным образом, со стороны возможных нарушителей мира. Как обстоит дело теперь, год спустя после наших прошлогодних страхов, в Германии и в Японии?

Нельзя отрицать, конечно, иррационального характера деятельности германского «фюрера». Много говорили о том, что с его стороны война может стать «жестом отчаяния». И человек, который стал упорно говорить о грозящих ему опасностях, видимо, приближается к этому психологическому состоянию. Все же, и со стороны Гитлера, при полном сохранении прежних целей, замечается в последнее время стремление, как говорится, **sérier les questions**, Приготовляясь к Саарскому плебисциту, он усиленно уверяет всех, что это единственно - спорный пункт и что после него — и после признания де юре сделанных им де факто вооружений, он готов войти вновь в международное общение в Лиге Наций. Устраняются ли этим хотя бы опасения относительно шагов Розенберга - Гитлера на восточной границе? Отношение к Восточному пакту будет и тут своего рода лакмусовой бумажкой. Но знаменательны попытки в последнее время улучшить отношения Германии с советской Россией. Было бы преждевременно предсказывтаь, к чему они поведут; но с польско-германским планами на захват русских территорий они, очевидно, несовместимы. На чью сторону стапет, в последнем счете, Польша при этом ослаблении своих надежд, мы, вероятно, скоро увидим. Во всяком случае, при общем осложнении международного положения, Германия едва ли имеет интерес устраивать конфликт на западе из-за Саарского плебисцита. Министр Бенеш даже высказывает пожелание, чтобы Саарский вопрос был разрешен таким образом, «чтобы не оставить в дальнейшем препятствия для полного франко - германского соглашения, которое является, в самом деле, условием

европейского мира». Германская печать, как известно, отнеслась очень благосклонно к этому заявлению; германские правящие и военные круги давно об этом заговаривали. Конечно, было бы весьма желательно, чтобы такое сближение совершилось; но это, очевидно, не дело сегодняшнего дня.

Что касается Японии, то в Токио, повидимому, понято, что момент для внезапного захвата чужой территории прошел — или еще не наступил. Вызвана эта перемена настроения, очевидно, прежде всего сосредоточением достаточного количества аэропланов в доступном для них расстоянии от главных городских центров Японии. Но, надо думать, сыграли здесь роль и внутренние затруднения, и риск больших расходов, и отвлечение в сторону Китая, и, наконец, нерешенный вопрос о соотношении сил на Тихом океане. Как бы то ни было, едва ли есть опасность, что в данную минуту поведение Японии будет продиктовано исключительно и односторонне — могущественной военной партией.

Каков же общий вывод из всех, приведенных выше справок?

Опасность войны, очевидно, не исчезла. Но 1935-ый год, повидимому, перестал быть «страшным» годом — уже в виду чрезвычайно осложнившегося международного положения, при котором нарушителям мира становится трудно учесть шансы победы. Конечно, военные сферы, по прежнему рассчитывают возместить внезапностью нападения недостаточность сил. Но их роль в решении, как кажется, значительно уменьшилась, сравнительно с концом прошлого года. Современная война, даже в случае удачной дипломатической обстановки, требует сложной и долгой подготовки. А дипломатическая обстановка складывается, как видно, неблагоприятно; подготовка не кончена, а рядом с внешними растут и внутренние препятствия. Таким образом, наш прошлогодний пессимизм заменяется — условным, конечно, — оптимизмом. Действие этого настроения распространяется, притом, не только на указанный министром Бенешом срок — год - полтора года — но, так как мы считаем весьма вероятным успех дипломатической работы этого года, вероятно, и на срок, значительно больший.

П. Милюков.

А. КУЛИШЕР.

Кризис демократии?

Утверждения о «провале демократии» исходили сначала от тех, кому очень хотелось, чтобы она провалилась. Затем, к злорадствующим откровенно, или злорадствующим с постно - сочувствующей физиономией стали прибавляться похоронные причитания тех, кто говорит о провале демократии, имея в виду совершенно несомненный факт их собственного провала. Интересы демократии требуют в настоящий момент проявления известной безпощадности. Необходимо, прежде всего, отделить демократию и ее судьбу от судьбы людей и партий, несомненно доказавших, что они являются плохими демократами, или плохими политиками, или — обычно — то и другое вместе. В этом пункте и допустимо, и, иногда необходимо, отстаивать право «молодежи», не нести ответственности за чужие грехи и не отказываться от правильных по существу идеалов из-за негодности тех, кто не сумел держать знамя этих идеалов.

Необходимо, однако, отметить, что в обряде похорон демократии, за последнее время все более громко звучит некоторый новый мотив. Провал демократии воспринимается, как « провал Европы ». Разрушение демократии воспринимается, как волна, захлестывающая Европу, от которой остались лишь отдельные «островки». Этот «провал Европы» внушает, очевидно, искренний ужас. Об этом «сползании» Европы в пропасть сейчас говорят нередко те, кто еще недавно склонны были заниматься такой придирчивой критикой демократии, что оставалось неизвестным, есть ли у нее вообще какие либо достоинства, а не только одни недостатки. С превыспренних, мистически - мировоззренческих высот эту будничную, бездушную, лишенную мировоззренческого религиозно - философского огня, демократию, обличали до тех пор, пока не заметили, что гибель ее грозит гибелью просто - на - просто всей культуры.

Утверждение «тоталитарных» диктатур в значительной части Европы есть факт очень печальный, в виду того понижения культурного уровня, которое является неизбежным последствием этой диктатуры, стремящейся «уравнять» самые души граждан по казенному ранжиру. К этому присоединяется весьма серьезное усиление опасности военной катастрофы, вследствие нахождения власти в руках безконтрольных и безсовестных авантюристов. Вред для мировой культуры очень велик, спасность подлинной культурной катастрофы очень серьезна. Но рассматривать этот серьезный кризис европейской культуры, как катастрофу демократии, значит впадать в недоразумение.

Читая и слушая погребальныя речи демократии, нельзя не заметить, что все они исходят из одной предпосылки: демократия — старая, почтенная, многовековая государственная форма. Когда то, в отдаленные времена она, может быть, и соответствовала условиям, — но эти времена прошли. Демокра-

тия выродилась. Народы обращаются к новым формам, которым принадлежит будущее: вариант злорадно торжествующих. Или: народы, разочаровавшись в демократии, падают в пропасть деспотизма: вариант грустно-похоронный. Поэтому, на демократии приходится формально поставить крест, — или «если вы хотите ее спасти», ее нужно так «реформировать», чтобы от нея по существу ничего не осталось.

Один из источников этих «теорий» и связанных с ними «мировоззрений», — обыкновенное, элементарное невежество, — отсутствие элементарных, школьных сведений о том, о чем люди позволяют себе говорить, писать и «проповедывать». Есть еще и другой: это — некоторое негласное, «тайнобрачное» влияние непонятых обрывков грубо-опошленного марксизма. Когда Маркс писал «Коммунистический манифест», он был глубоко уверен, что осуществление демократии только и возможно в связи с социальным переворотом. Та диктатура пролетариата, о которой он там говорит, — это и есть демократическое государство, которое, по его мнению, должно будет немедленно приступить к экспроприации буржуазии. Т. к. впоследствии демократия кое-где начала осуществляться, но это к социалистическому перевороту не привело, — наоборот, социалистические восстания были подавлены «формально» демократическими правительствами, — то марксисты стали разоблачать «формальную» демократию, утверждая, чот в ней, фактически, сохраняется владычество буржуазии. В советской Росси, вульгарно-марксистский жаргон, ставший оффициально-обязательным языком, был принят «порезолюционным» поколением за чистую монету: «молодежь», приезжая оттуда, уверена, что демократия и «капитализм» — два слова, означающие то же самое. Но марксистское «разоблачение» «буржуазной» демократии оказало роковое влияние и на всякого рода иных «послереволюционеров», хотя бы и анти - марксистских: демократия представляется государственной формой, соответствующей какой то «буржуазной» эпохе, которая сама представляется длительным периодом. А т. к. «буржуазная эпоха» приходит к концу, то и т. д.

Приходится, поэтому, прежде всего, удивить послереволюционеров следующими фактами.

Старейшей демократией мира являются Соед. Штаты Америки, но не с самого их возникновения, а, — чисто - формально, — приблизительно с 1840 г., когда почти во всех штатах было введено всеобщее избирательное право. Но это уж очень формальная хронология, т. к. в этой демократии до 1865 г. существовало рабство. В Европе с 1848 г. была одна демократия — Швейцария. Во Франции были две попытки осуществить демократию: одна в эпоху великой революции, выразившаяся во всеобщих выборах в конвент и в конституции 1793 г., не введенной в действие (все остальные конституции революционной эпохи и все выборы этого периода не были демократическими, т. к. были основаны на системах имущественного ценза) и в конституции второй республики, просуществовавшей два года среди почти непрерывной смуты. В 1875 г. вводится в действие конституция третьей республики, — первой крупной европейской демократии. Англию можно признать, с большими оговорками, демократией с 1885 г. — с избирательной реформы Гладстона, введшей широкое, но все же не всеобщее (до 1918 г.) избирательное право в палату общин, власть которой еще подвергалась серьезному ограничению со стороны палаты лордов (до 1911 г).

Я исхожу из крайняго минимума признаков демократии. Этой последней, очевидно, не может быть, без участия всего народа в политической власти и политического равенства, т.е. не может быть при цензовом избирательном праве, — независимо от прав, которыми пользуется избираемое таким образом представительство. Поэтому, Англия не была демократией во всяком случае до последней четверти XIX века, — и поэтому уже в большинстве европейских государств до XX в. не могло быть речи о демократии. Швеция стала демократией с 1907 г., когда там было введено всеобщее избирательное право. Бельгия вовсе не была демократией до мировой войны, т. к. (до 1919 г.) избирательное право было всеобщим, но не равным: существовал ценз, дававший дополнительные голоса.

С другой стороны, демократии также, очевидно, не может быть, если государственная власть не находится всецело в руках народа, или выборных народом учреждений, — если таких учреждений не существует, или, если власть этих учреждений, народом избранных, является ограниченной властями иного происхождения. Поэтому, — оставляя в стороне весьма сложный вопрос о вторых палатах, — демократией может быть (при всеобщем избирательном праве), только республика, или, так наз. парламентарная монархия. Люди, потрясенные тем фактом, что «такой культурный», да еще «политически воспитанный» народ, как немецкий, разочаровался в демократии, — не имеют, повидимому, представления о том, что в Германии до мировой войны не было ни следа демократии: был рейхстаг, избиравшийся всеобщим избирательным правом, но почти безвластный даже в том небольшом круге дел, который считался общегерманским; во всем распоряжалась прусская королевская власть, в качестве таковой, или общегерманской имперской власти, или в качестве руководящего члена союзного совета. Эта королевская власть опиралась на феодальное юнкерство, командовавшее в прусской администрации, не находя противодействия в прусском ландтаге, избиравшемся по чудовищной избирательной системе трехклассного ценза.

Наконец, бумажные параграфы конституции не представляют вообще никакого интереса, если не делается ни малейшей попытки провести их в жизнь. Никто не станет серьезно называть демократиями ни южно-американские республики, ни до-военную Грецию, или Испанию. Нельзя, также, серьезно говорить о демократии в Италии, — хотя всеобщее из-

бирательное право было там введено **за два года** до мировой войны и хотя борьба безответственных клик осуществлялась там в форме парламентарной монархии.

Таким образом, оказывается, что до мировой войны «опыт демократии» еле начинался в очень немногих государствах и вовсе не начинался в подавляющем большинстве государств мира.

Было иное: постепенное распространение института народного представительства и др. институтов, конституционного и правового государства, первоисточником которых является конституция старой аристократической Англии. Этот процесс связывался с борьбой за демократизацию тех же институтов. С весьма общей и принципиальной точки зрения можно утверждать, что система правительства, опирающегося на общественное мнение, ведет к необходимости привлечь, по возможности, все население к участию в политической жизни, т. е. демократии. Но не следует забывать, что этот вывод далеко не всегда делается. В Англии до 60-х г. г. XIX в. господствующая доктрина считала, наоборот, систему «свободного правления» несовместимой с передачей политической власти «диким и бедным» массам, которые не станут уважать свободу личности, воспользуются правом голоса для «раздела имуществ», разрушат хозяйство и культуру и неизбежно подпадут под власть какого нибудь тирана. Лишь, когда давление масс привело к расширению избирательного права, — тогда просвещенное общество, примирившись с фактом, сознало необходимость «воспитания наших новых повелителей», т. е. раз'яснения им тех начал «правильной политической игры», без соблюдения которых невозможно никакое реальное самоуправление общества. С этой точки зрения, аристократическия, по своему происхождению, начала гражданской свободы и правительства «путем убеждения» являются необходимыми предпосылками демократии. Нельзя, однако, закрывать глаза на трудности совмещения того и другого.

Очень важно подчеркнуть недоразумение, заключающееся в обычном представлении, что Англия является «старейшей» и «многовековой» демократией. Старых и многовековых демократий вообще не существует и, в частности, Англия является демократией очень молодой. Но только в Англии утверждению демократии предшествовал долгий период весьма недемократического, но **свободного** государственного порядка. Борьба за демократизацию этого строя происходила по заранее выработанным правилам свободной политической борьбы, — господствующие классы отступали «с боями», но постепенно отступали, — и именно в этом заключалось политическое воспитание масс, вследствие которого аристократический парламентаризм мог обратиться в подлинное орудие демократии, путем лишь некоторого приспособления. Это «приспособление» было, однако, очень существенным, заключаясь в переходе высшей решающей власти от парламента к самому народу и в обращении премьер - министра в народного «мандатора». Эта трансформация конституционного механизма была необходима для того, чтобы внушить «человеку с улицы» живое сознание ответственности за государственные дела, — сознание того, что демократический механизм является орудием **его** власти, сознание ценности той свободы, при которой **он сам** только может осуществлять эту решающую власть. С другой стороны, эта **реальная** власть народной массы не может не быть связанной с глубокими социальными сдвигами. Готовность идти на социальное «перераспределение», поскольку оно наступает в результате «правильно сыгранной игры», является, в свою очередь, необходимым условием для того, чтобы это перераспределение не обратилось в дикий «передел», уничтожающий свободу и культуру.

Задача демократического «воспитания», сообщения всей массе населения аристократической идеи свободы, — эта задача еще осложнилась на европейском континенте тем фактом, что тут борьба за свободу **совпала** с политическим и социальным восстанием масс. Хронологическое совпадение этих двух процессов, которые в Англии были хронологически отделены друг от друга, не устранило того факта, что это все же два **разных** процесса, вступавших и вступающих в очень разнообразные переплетения. Роль части французской аристократии в подготовке и начале великой революции, — как, впоследствии, части русского дворянства в развитии освободительного движения, отнюдь не была случайным самоубийственным недоразумением. Первоисточником стремления к политическому освобождению были вовсе не какие то интересы капиталистической буржуазии, а то духовное освобождение личности, которое начиналось на общественных верхах и переходило от аристократии к демократической интеллигенции (почти всегда **минуя** буржуазию).

Повсюду борьба за свободу, начатая на общественных и интеллектуальных верхах, приводила в известный момент к апелляции к народному «Ахерону». И, повсюду, этот «Ахерон» являлся на сцену со **своими** нуждами и требованиями совсем иного рода. Попытки об'единить идеалы «верхов» со смутными стремлениями масс накреняли освободительное движение влево, от цензового конституционализма к демократии, от демократии к социализму. Но в то же время социальная демагогия выдвигала лозунги немедленного «передела» и народная стихия, раз выпущенная на волю, сплошь и рядом ломала сложную конституционную систему плотин и двигателей, раньше, чем эту систему удавалось как следует установить. И вместо об'единения аристократической свободы с демократическим равенством, нередко получалось противоположное об'единение: смычка испуга высших классов перед свободой, «распустившей» «простонародье» с невежеством массы, не понимавшей этой свободы и видевшей в сложном аппарате конституционного государства какой то «обман».

Этого рода об‘единения создают «вожди» - авантюристы. «Вождь» спасает «порядок и собственность» и охраняет высшие классы, уничтожая все индивидуальное, свободное и творческое, все самое ценное в их культуре. В то же время, «вождь» «олицетворяет» народ, подчиняет «эгоистические» личные интересы «национальным», — ценою лишения массы всякой реальной возможности борьбы за улучшение ее участи. «Вождь» переносит казарменный «порядок» и казарменное господство «общего» над «частным» на весь государственный строй. При нем цветам аристократической культуры также нет места, как демократическому праву человека.

Фашизм — послевоенное слово, но вовсе не новое явление. В XIX в. это же явленіе называлось бонапартизмом. В 1848 году Франция, уже осуществившая при июльской монархии на основе цензового избирательного права, правовое государство и парламентский строй, — сделала попытку передачи этого аппарата в руки самого народа. Разрыв между демократической идеей и социальными требованиями пролетариата привел к кровавой бане июньских дней, — и социальный испуг буржуазии вместе с чувством мести массы содействовали, с двух сторон, установлению «авторитарной» (тогда и явилось это слово) системы Наполеона III. Всеобщее избирательное право, наконец, установилось: оно оказалось пригодным только для избрания диктатора и для его плебисцитов, опираясь на которые, банда уголовных авантюристов, так «авторитарно» управляла Францией, что страну после этого пришлось полвека отмывать от грязи, оставленной этим режимом. Это мытье все еще не закончено: Ставицкий — еще один эпигон герцога Морни.

Крах попытки демократии во Франции обессилил исходившее из Парижа движение в Европе. Повсюду, кроме Швейцарии, попытки революции закончились, наряду с кое-какими социальными завоеваниями, восстановлением и усилением политического гнета, принявшего гораздо более сознательный и «целестремительный» характер. В то время, в начале 50-х г.г., Европа «провалилась» гораздо более основательно, чем в настоящее время. «Вся Европа», писал Герцен в 1854 г., «пришла теперь к необходимости деспотизма, чтобы как-нибудь удержать современный государственный быт против напора социальных идей... Было время, когда полусвободный Запад гордо смотрел на Россию, раздавленную императорским троном, и образованная Россия, вздыхая, смотрела на счастие старших братий. Это время прошло. Равенство рабства водворилось. Мы присутствуем теперь при удивительном зрелище: страны, где остались еще свободные учреждения, и те напрашиваются на деспотизм. Человечество не видало ничего подобного со времен Константина, когда свободные римляне, чтобы спастись от общественной тяги, просились в рабы».

Только еще и можно было дышать в Англии, куда стекались, в виде эмиграции, побежденные и обездоленные обломки всех демократических попыток Европы: в Англии, где о демократии и о «социальных идеях», казалось, смешно было и думать, но где, «пока еще», сохранялись «средневековые» свободные учреждения.

В действительности, тяжелая реакция этой эпохи оказалась весьма печальным, но временным последствием процесса **демократизации** Европы. Стихия впервые поднявших голову, широких народных масс смела, своим собственным действием и вызванным ею «буржуазным испугом», зачатки политической свободы. Когда освободительный процесс возобновился, это произошло уже в более широком масштабе и в более демократических формах: что то оказалось прочно достигнутым. Но это «что то» еще далеко не означало способность всей Европы немедленно осуществить правовую демократию.

В конце мировой войны демократия, впервые в истории, выступила, как организованная **мировая** сила. В лице Вильсона, она бросила вызов своим врагам в мировом масштабе и учинила над ними неслыханный в истории разгром. **Мировое правительство** об‘единенной демократии просуществовало лишь в течение короткого исторического момента, как предзнаменование того, что **может быть** и несомненно когда нибудь будет. В этот момент демократия казалось чем то обязательным. Побежденные страны вводили демократию просто по приказу победителя. Вновь возникавшие государства вводили ее, как условие, без которого нельзя было быть принятым в «приличное общество» держав. Государства, еле достигшие до войны полу-фиктивного конституционализма, спешно перекрашивались в полный демократический цвет.

Эти страны не могли пережить никакого «разочарования в демократии», т. к. никогда ее в глаза не видели. Не было не только демократии, но даже и демократической партии, способной хотя бы пропагандировать идеи свободы и народного самоуправления. В Германии и в странах, находившихся под ея культурным влиянием, этому содействовал марксизм, успевший довершить победу реакции после 1848 г., вытеснив остатки либерально-демократического течения в массах, — марксизм, с точки зрения которого «демократические свободы» представляют интерес, разве лишь, как орудие «классовой» борьбы. Этот «классовый» пролетарский характер партии, взявшей на себя «представительство» идейно-чуждой ей демократии, имел еще то последствие, что широкие не-«пролетарские» массы не получали вообще никакого политического воспитания и, будучи разбуженными после - военными экономическими невзгодами, оказывались политически - безпризорными. Эти массы только и могли броситься в об‘ятия «вождей»-авантюристов, обещавших все, что кому угодно, — под условием предоставления им, «вождям», безконтрольной власти.

Успех этих движений был только и возможен вследствие того, что массам и в голову не приходило, что аппарат демократического государства есть ап-

парат их собственной власти. При отсутствии такого сознания избирателей и при отсутствии партий, пытающихся пробудить это сознание, — народной власти, действительно, не могло быть, — не говоря уже о таких талантливых изобретениях, как пропорциональная избирательная система, парализующая всякую возможность определенного политического решения избирателей. «Канитель» безконечных выборов, не приводивших ни к какому определенному политическому результату, только и могла убедить массы, что эта «канитель» имеет целью «околпачить» народ. А между тем, Гитлер показал, что **может** сделать надлежащая техника демократической агитации: ирония судьбы заключалась в том, что эту технику раньше всего усвоили враги демократии.

Они первые имели к тому и материальные возможности и надлежащий человеческий материал. Снова произошло характерное об,единение «буржуазного испуга» (страх «большевизма») с порывом измученной и раздраженной массы, возносящей «вождя», т. к. она не знает других, более верных способов осуществить свое господство и свои смутные чаяния. Вместо обсуждения и одобрения программы преобразований, — от народа к «вождю», от «вождя» к народу исходят «флюиды», заключающиеся в том, что «вождь» льстит страстям толпы, а она предоставляет ему самовольничать и «устраивать» своих приверженцев на народной шее. Все это старо, как мир, — все это известно было еще древнегреческим публицистам.

Свобода удушается, культура разрушается. Но все это, совсем не «кризис демократии», а примитивная попытка ее осуществления. Отметим, что вопрос государственной техники, заключающийся в примирении непосредственно уполномоченной народной власти с сохранением свободной борьбы партий и ответственности власти уже разрешен в английской системе мандата. В известном смысле можно сказать, что народы стремятся к чему то вроде этой системы, но не знают, как это сделать, — и попадают в капканы, расставленные ловкими авантюристами.

Этот «провал» значительной части Европы, — зрелище столь же печальное, как гораздо более полный «провал» 50-х г. г. Но ошибка тогдашних пессимистов теперь гораздо менее простительна.

Говоря о после-военных опытах демократии, я намеренно исключил Россию. Это нужно всегда делать, т. к. **тут и опыта никакого не было,** хотя в период восьмимесячной анархии были партии, утверждавшие, что они собираются устроить демократию. Русский народ никакой демократии не «отверг» и отвергнуть не мог, т. к. не знал даже и того, что означаетт это слово. Он не «бросил в пасть большевикам» никакой свободы, т. к. никакой свободы и не было, а была анархия, создавшаяся разлагающейся армией. Эта простая истина может быть неприятна некоторым демократам, т. к. ликвидирует их «заслугу», заключающуюся в том, что они уже «ввели» демократию, которую неблагодарный народ не оценил. Но выход тут простой: признать, что у этих демократов действительно никаких заслуг нет и их не за что благодарить, — а борьба за **будущую** демократию возможна и необходима.

«Провал» ряда европейских стран не должен приводить к отчаянию в судьбах свободы и демократии в Европе. Зато этот «провал» должен излечить у русских людей совсем неосновательное чувство самоуничижения и разочарования в собственном народе, который, будто бы, так легко подчинился и подчиняегся большевистской диктатуре. Нет, Россия не подчинилась **так легко** Ленину, как Германия подчинилась Гитлеру, — а Ленин был Гитлеру не чета. Зато, вулканические сдвиги, произведенные русской революцией и экспериментами большевизма, поскольку последний являлся безсознательным орудием революции, привели в России к пробуждению гигантских народных пластов, впервые ставших способными к восприятию подлинной демократической пропаганды.

А. Кулишер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИСКАНИЯ

За последнее время возникло громадное количество планов экономической реконструкции, пытающихся найти выход из тупика, в который попало капиталистическое хозяйство.

Таковы программы С. Ж. Т., союза бывших комбаттантов, план Эмиля Роша принятый последним конгрессом радикал - социалистической партии и, наконец, план де Мана, одобренный с'ездом бельгийской рабочей партии.

Представляется поучительным сравнить, хотя бы в кратких чертах, главнейшие из перечисленных программ и попытаться нащупать в них, так сказать, нерв современности, выделить общие им руководящие идеи и затем сопоставить их с социальной программой РДО, определить место, занимаемое нашей социальной программой на фоне лихорадочных поисков лучшего будущего.

Внимательный анализ схем переустройства социально - экономической действительности, исходящих из разных групп, позволяет установить некоторые общие тенденции и идеи, им присущие, Все они построены на общей предпосылке-необхо-

димости, в связи с эволюцией капиталистической системы хозяйства, провести коренные реформы, учитывающие весьма существенные изменения кон'юнктуры, привнесенные новейшей фазой развития капитализма. Главная задача, стоящая перед современным хозяйством, — поднять уровень потребления до достигнутых производственных возможностей, создать равновесие между производством благ и емкостью рынка. Принцип, на котором должно базироваться хозяйство, — это удовлетворение всех потребностей населения (couverture des besoins, по выражению С. Ж. Т.).

Учитывая внешние условия международной торговли и состояние международных рынков, следует признать, что только повышением поглощаемости внутреннего рынка можно должным образом использовать всю громадную производственную потенцию современной промышленности — результат необычайного прогресса техники. Путем приближения потребления к мощности производства будет уничтожен страшный бич нашего времени — безработица, влекущая за собой деградацию громадных масс населения.

Какими методами может быть достигнута эта грандиозная задача?

Мы остановимся подробно на рассмотрении плана де-Мана, на наш взгляд, наиболее полно разработанного и одновременно наиболее характерного и типического для современных демократических исканий социальной правды. В нашем изложении мы не будем касаться технических подробностей, а попытаемся наметить принципиальные основы плана.

Проект де-Мана построен на признании **смешанной экономики**: наряду с частным сектором хозяйства, движущей пружиной которого продолжают оставаться принцип частной собственности и законы либеральной экономики, должен быть создан государственный сектор национализированной промышленности.

Какой критерий принят де-Маном при разграничении промышленности между этими двумя секторами?

План признает ценность частной собственности, которая является превосходным стимулом хозяйствования; без частной инициативы и предприимчивости не может быть удовлетворительно разрешена проблема производства. Конкуренция, построенная на здоровых основаниях, выполняет благодетельную миссию движущего, подталкивающего начала, заставляющего хозяйство прогрессировать и совершенствоваться. В этом утверждении полезных функций принципа частной собственности — оригинальная черта плана, принятого **социалистической** партией, отказавшейся от демагогического упрощения хозяйственной проблемы.

Таким образом, там, где законы капиталистической экономики действуют без перебоев, безпрепятственно, в тех областях нет нужды рвать сложившиеся хозяйственные ткани. В частности, это относится к тем многочисленным случаям, в которых в одном лице, соединены капитал и труд (например, частная земельная собственность, кустарная и мелкая промышленность и т. д.).

Но существуют отрасли хозяйства, в которых частное начало давно утратило те свойства, которые его хозяйственно оправдывали, в которых механизм конкуренции давно перестал действовать. Это область **монопольного** трестированного хозяйства. Здесь парализовано действие естественных, экономических законов, в частности, свободной конкуренции, которая нормально является коррективом отрицательных сторон, связанных с частно-капиталистическим хозяйством.

Тут развитие производительных сил не направляется общехозяйственными интересами, задача удовлетворения потребностей стоит на заднем плане. Эти отрасли хозяйства должны перейти в руки государства. Лишь последнее сумеет организовать эти фактические монополии в интересах целого.

План де-Мана предусматривает национализацию ведущих отраслей хозяйства, которые сейчас находятся в безконтрольном распоряжении частных монополистов. Это — выработка сырья, двигательная энергия, транспорт, страховое дело, наконец, кредит.

План особое внимание уделяет финансовому капиталу, мощно организованному, который держит в своих руках не только главные узлы хозяйства, но зачастую обладает и исключительным политическим влиянием. Технически эта сложная операция должна быть выполнена путем **выкупа** государством контрольного пакета соответствующих предприятий и банковских институтов. Изменение структуры хозяйства должно пройти в рамках строго легальных, без нарушения «буржуазной законности» парламентским правительством, пользующимся доверием большинства нации.

Вторая коренная черта плана — внедрение в хозяйственную жизнь страны **планового начала.** Предполагается создание ряда органов, которые должны направлять народное хозяйство в определенное русло — с тем, чтобы в течение первых 3 лет потребительская способность населения возросла на 50 %, а в конце последнего года «пятилетки» на 100 %. В помощь законодательной власти будет дан Экономический Совет, совещательного характера, обладающий правами инициативы хозяйственных предложений и контроля над исполнительными хозяйственными органами.

Таковы главные линии проекта, с энтузиазмом принятого с'ездом Бельгийской рабочей партии и который сейчас является предметом интенсивной пропаганды среди разных слоев бельгийского населения. Он имеет шансы привлечь на свою сторону не только рабочий класс, но и средние буржуазные элементы.

План, действительно, знаменует откровенную сдачу марксистских позиций. В нем отсутствует «мистика» ортодоксального марксизма, пафос все

разрешающей социальной революции. В своих комментариях де-Ман без обиняков отмечает устарелость марксистской схемы, опровергнутой современным развитием капиталистического хозяйства и теоретически обосновывает «мелко-буржуазный» социализм.

Перейдем теперь к анализу социальной программы РДО. Основная цель, ею преследуемая, — достижение «наибольшего благосостояния населения»». Пути выполнения этой задачи — «гармоническое и целесообразное, соответствующее уровню хозяйственного развития, использование государственного и частного начала в промышленном хозяйстве», равномерное развитие разных отраслей народного хозяйства, равновесие между индустрией и сельским хозяйством.

Таким образом, программа признает принципиальную равноценность как личного, так и коллективного начала в развитии производительных сил. Распределение ролей между ними, размежевание участия в хозяйственной жизни диктуется не отвлеченными доктринерскими соображениями, а лишь мотивами хозяйственной целесообразности и общего блага. В этом коренном вопросе программная установка РДО целиком совпадает с позицией плана де-Мана. В обеих системах нет априорного отталкивания от одного или другого принципа хозяйства, как от «неправедного», «аморального», «противоречащего общественной этике». Следует подчеркнуть также, что обе программы строят земельные отношения на принципе частной собственности.

Далее, программа РДО отводит существенное место плановому началу. В денационализированных предприятиях «государство сохраняет большее или меньшее влияние, путем участия в капиталах предприятий, участия в управлении ими, в их эксплоатации или в условленной при передаче предприятий форме контроля над их деятельностью».

Не только в уже существующих предприятиях, переходящих из государственного сектора в частный, но и во вновь создаваемых частной инициативой на частные средства предприятиях, государство сохраняет за собой право «высшего контроля для наиболее целесообразного использования естественных богатств страны».

Нельзя упускать из вида также и того, что самый факт наличия крупного сектора государственной промышленности — а есть основания предполагать, что и после «разгрузки» государственного сектора государство сохранит за собой значительную часть предприятий, эксплоатация которых окажется рентабельной и хозяйственно оправдываемой — неизбежно приведет к громадному влиянию государства на всю хозяйственную жизнь страны. Та промышленная политика, которая будет проводиться государством для своих предприятий, явится мощным экономическим фактором и, несомненно, будет отражаться и на частно-хозяйственном секторе.

Не прибегая к мелочной регламентации частного хозяйства, государство будет обладать более действенными рычагами регулирования. В самом деле, ставя перед своими собственными предприятиями определенные задачи экономического порядка, управляя своей индустрией в рамках выработанного хозяйственного плана, государство тем самым будет давать молчаливые общие директивы для всего народного хозяйства, тем более действительные, что они будут покоиться не на голом произволе и внешнем политическом принуждении, а будут вытекать естественным путем, в силу имманентных законов экономики. Таким образом, идея планового хозяйства найдет свое применение в формах, далеких от советского бюрократизма и гарантирующих народное хозяйство от подавления сверху всемогущим «тоталитарным» государством.

Конечно при различии реально сложившейся обстановки на Западе и в России рассмотренные, нами программы выдержаны в различных тонах, ударения расположены на разных частях. Если в условиях западно - европейского капитализма, для создания новой смешанной формы экономического строя, центр тяжести падает на введение разгулявшейся частно - хозяйственной стихии в организованное русло, на известное ограничение бесконтрольного распоряжения крупным капиталом хозяйственными судьбами страны, то задача, стоящая перед русскими республиканцами - демократами — в утверждении попираемого коммунистами частного начала, в признании громадной, далеко не исчерпанной силы принципа частной собственности, в освобождении русского народного хозяйства от пут бюрократического планирования.

Вывод, который можно сделать из нашего сопоставления экономических планов, рассчитанных на осуществление в рамках демократической свободной государственности, — это признание, что р-д-ки движутся нога в ногу с общим ритмом современности.

Если социалистическим идеологам, не желающим оторваться от жизни, приходится вступать в компромиссы с собственной идеологией, становиться на путь «вероотступничества» и ценой более или менее удачных софизмов примирять свою теперешнюю эволюционную конструкцию с марксистской концепцией социальной революции, то у нас, р-д-ков, позиция гораздо более устойчива; — не будучи доктринерами, руководствуясь только общими принципами наибольшего благополучия населения и хозяйственной целесообразности, нам несравненно легче реалистически подходить к действительности, более правильно откликаться на ее запросы, не растеривая своего идеологического багажа. Р-д-ки обнаружили большую чуткость в понимании сложившейся хозяйственной кон'юнктуры, более передовые взгляды, чем иные кичащиеся своим «дерзанием» пореволюционеры.

В «пореволюционных» кружках считается признаком «хорошего тона» третировать РДО, как организацию, безнадежно устаревшую, повторяющую зады умершего экономического либерализма 19-го века. В своем страстном отрицании капиталистической системы наши «антикапиталисты» либо впадают в туманность и неопределенность доморощенных нереальных схем, либо становятся эпигонами советской коммунистической системы, доказавшей свою полную никчемность на тяжелом убийственном опыте сталинского чекистского хозяйства, либо, жестоко осуждая нас за отсталость и неприспособленность к новым условиям, «пореволюционеры» говорят нашей же прозой, сами того не подозревая, подобно безсмертному герою Мольера.

Без позы, без крикливых слов, наметив реальные пути восстановления хозяйственной жизни России на здоровых основаниях, РДО проделало большую политическую работу и выявило свое искреннее стремление служить интересам не отдельных классов и социальных категорий, а всего русского населения, засвидетельствовало свою безкорыстную классово - незаинтересованную готовность защищать общее благо русского народа.

Александр Александров.

Д. МЕЙСНЕР

К 10-летию РДО

За истекшие четырнадцать лет нашего пребывания на эмигрантской отмели мы были свидетелями выступления на авансцену политической жизни целого ряда группировок, каждая из которых, прежде всего, подчеркивала, что она НОВАЯ, самая что ни на есть «новейшая» и именно от ее возникновения нужно считать время политической сознательности и активности в эмиграции: все же, что было раньше, достойно лишь сожаления. И вот печальное наблюдение: проходило немного времени (совсем как в старой русской сказке — долго ли, коротко ли) и на глазах всего зарубежного «общественного мнения» сезонный цветок начинал чахнуть, потом вянуть и в таком жалостливом виде влачить существование, лишь изредка напоминая о себе — и я тут. Второе наблюдение: чем «выше» была взята первая нота, чем больше активистских претензий было заявлено в начале, тем глубже было потом падение. Сейчас таким сезонным цветком, воспитанным в «национальной» оранжерее Воинского Союза и белградских «патриотических» собраний является «Национальный Союз Нового Поколения», о котором нужно будет сказать еще особо.

Добавим, что пример фашизма и гитлеризма порядочно вскружил головы. Почти каждая такая «молодая» группировка, прислушиваясь к духу времени», стремится построиться по авторитетному признаку, на началах «железной дисциплины» и беспрекословного подчинения вождю, и сколько таких «вождей» ходит среди нас грешных. При этом у каждого кружка истина в кармане и даже спорить об ее подлинности теперь не хотят: на эмигрантских собраниях лишь декларируют. Каждый кружок, естественно враждебный «гнилой и лживой» демократии, собирает свой «отбор», готовый (конечно готовый) взять управление Россией в свои руки.

У одних (евразийцы) право на партийную диктатуру над Россией оговорено в программе, у других уверенность в этом их «праве» написана на самых лицах «вождей» (младороссы, новопоколенцы).

Маленькие эмигрантские Муссолини и Гитлеры, о которых как то остроумно написал в « Утверждениях » кн. Ширинский - Шахматов, старательно изучают и копируют повелительные «исторические» жесты своих иноземных кумиров. Нужды нет в том, что российская обстановка, где произошла социальная революция и в какой то мере и форме происходит революция фашистская, коренным образом, отличается от обстановки, в которой находятся западно-европейские страны, охваченные фашизмом.

Среди этих групп и группочек эмиграции, многие из которых, по нашему мнению, являются не вехами на большом пути русской политической мысли и политического действия, а всего лишь знаками, отмечающими бездорожье и безвременье сегодняшнего эмигрантского дня — особое место занимает РДО, никогда не ставившее утопических целей, не соблазнившее адептов демагогическими призывами и потому с честью выдержавшее десятилетний эмигрантский искус.

Перечислим основные положения, давшие РДО спокойную уверенность в обоснованности и оправданности своего существования и приведшее его к бесспорным достижениям. Таких основных положений мы выставим **три.** Первое и главное: на заре эмигрантских исканий, в обстановке ненавистничества, исключительности и эмигрантской гор-

дыни, когда революция изображалась лишь как слепой и случайный бунт, а народ, как подлежащий, в лучшем случае «отеческому внушению», РДО, вслед за «новой тактикой» П. Н. Милюкова, решительно повернулось лицом к России. Теперь это обязательный, хотя бы на словах, трафарет. Тогда, это был смелый шаг, из которого следовало много выводов и, в частности, один, означавший ограничительное понимание задач политической эмиграции. Не «поход» и не декретирование извне методов борьбы, а внимательное изучение внутрирусских процессов и их идейное оформление здесь, в обстановке свободы, содействие живым народным усилиям в борьбе с большевизмом. Мыслилось содействие всем формам борьбы здорового народного организма с коммунистической болезнью революционным и мирным, эволюционным. Из двучленной формулы и родилось неверное утверждение будто РДО отрицает «революцию» и ставит ставку исключительно на «эволюцию».

Первое положение, являющееся основным, логически связано со вторым: верностью принципам демократии. В силы русского народа, в его государственный смысл РДО верит крепко и начала народоправства, народного самоуправления, никаким «отборам» не уступит. Напрасно, враги респ.- демократов изображают последних, как последышей революционной демократии 1917 года. Психология и политическая практика, определяемая словом «керенщина», умерла в муках большевистской революции; она вовсе не свойственна, в чем мы на каждом шагу убеждаемся на Западе, всякой демократии, а тем элементам (старшим и младшим), которые составляют РДО всегда была достаточно чуждой. Организация пореволюционная (не в специфическом смысле этого слова), РДО обращено в будущее, потому оно не закрывает глаз на необходимость пересмотра тех форм демократии, которые оказываются в новой обстановке устарелыми. Будучи верными основной идее демократии, р-д-ки не являются доктринерами в отношении ее формы.

Третье — это патриотическая установка РДО. Что собственно это означает? Не есть ли это пустая фраза, скрывающая нечто, бесспорно подразумевающееся? События последней зимы заставляют сказать, что это не так, что свой патриотизм, живой и конкретный, РДО вправе противопоставить догматизму некоторых своих противников из лагеря так наз. «националистов».

Первая и первейшая задача р-д-ков — благо, непосредственное благо их родины, России. Верховность «идеи Родины» заставляет подчинять все иные чувства и расчеты одному — национальной пользе. Вот почему в минувшем году, осенью, когда перед Россией встал призрак грозящей распадом или отпадом окраин войны, все до одного республиканцы-демократы были вместе с П. Н. Милюковым, поставившим национальный интерес России выше возможных выгод эмиграции, выше ненависти (столь законной) к большевикам, выше каких либо личных надежд.

Своим мужественным поведеньем русского патриота, лидер и вождь демократической эмиграции дал для всей русской эмиграции урок истинной любви к своему народу и своей стране.

Твердо опираясь на изложенные выше положения, РДО избежало многих опасностей, сторожививших иные организации. Упомянем из этих опасностей только три. Первая — бесплодный спор «отцов» и «детей», так волновавший политическую эмиграцию, в среде р-д-ков, не существовал. Подбор и отбор шел по совершенно иному признаку. В сочетании старого опыта, традиции и авторитета и молодых поисков и энтузиазма — свидетельство «не случайности», а органичности РДО.

Далее, твердая идейная установка и трезвая оценка фактов дали р-д-кам возможность избежать как лубочной непримиримости, так и ничем неоправданной полу-капитуляции перед не только «советскими достижениями» но и советским строем так называемой «пореволюционной» молодежи, попавшей сейчас в изрядный тупик.

Наконец, «согласование» тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося со властью, освободило РДО от увлечения нарочитым «активизмом», в своей сегодняшней бесплодности опустошившим много горячих молодых душ.

«Активизму», остающемуся к тому же, по большей части лишь демагогическим призывом, РДО противопоставляет политическую активность, доказательством чему служит социальная программа РДО. Это, конечно, не значит, что РДО отказывается от борьбы. Оно, наоборот, постоянно изыскивает те методы борьбы, которые были бы и целесообразны и доступны. Сбросит иго коммунистов сам народ, но РДО считает «своим священным патриотическим долгом влиться в эту борьбу народа с властью» (цитирую передовую статью перваго № журнала «Наше Слово»).

Остается лишь пожелать, чтобы РДО, закалившее свои силы в годы эмигрантского безвременья, скорее приобщилось к единственному источнику подлинной живой силы — к своему многострадальному и великому русскому народу.

Д.Мейснер.

В. ПОПОВ

В СССР

В отличие от внешней политики, богатой событиями и резким поворотом курса, внутренняя политика не принесла ни сенсаций, ни сколько нибудь существенных перемен. Шло обычное маневрирование, очередные попытки найти способ выхода из хронических «прорывов». Самое большее, о чем можно говорить, — это о кое-каких сдвигах и о некоторых, проявившихся в ряде действий и декретов, тенденциях.

Представляется, например, несомненным постепенное изживание большевиками свойственной им еще недавно «гигантомании». Раньше ко всему был не иначе, как «планетарный» подход. Очередным лозунгом дня было «догнать и перегнать» Америку и др. индустриальные страны, под влиянием этого лозунга на фабриках и заводах создавались даже специальные бригады «Дип». В советских газетах был заведен особый отдел «У нас — у них», где наглядно показывалось, как победоносно движется вперед советская страна и как катастрофически падает продукция в капиталистических странах.

Теперь ни этого отдела, ни разговоров о «догнать и перегнать» больше уж не слышно. Об Америке пишут и сейчас, но совершенно в ином тоне, на нее указывают, как на страну, с которой надо брать пример. В этом отношении очень любопытен помещенный в «Известиях» от 17 окт. под заголовком «Дорого» фельетон проф. Штаермана о порядках на стройках в Америке и СССР. Сделанное им сравнение ясно показывает, что ни о каких «гонках» не может быть и речи. Дела у большевиков идут так плохо, что «уж не до жиру, быть бы живу». И вот, вместо «укрупнения», мы наблюдаем сейчас повсюду процесс «разукрупнения». Разукрупняют наркоматы, области, края, тресты, совхозы, профсоюзы.

Наиболее интересной для нас является принятая в сентябре и ныне проводящаяся в жизнь реформа о разукрупнении профсоюзов, т. к. в ней ярко выявляется еще другая тенденция — усиление центральной власти за счет местной. Нужно сказать, что Сталинское правительство очень ревниво оберегает об'ем своей власти и достаточно ему бывает заметить поднятие авторитета «власти на местах», как оно немедленно, путем тех или иных реформ, это ликвидирует. Перенос из Харькова в Киев столицы Украинской республики — лучший тому пример. Кроме того сов. правители считают, что дело пойдет лучше ,если они будут лично вмешиваться во все, вплоть до самых мелочей. Недавно, например, был издан декрет, где указывается, какими должны быть в новостройках: толщина стен, размер лестничных пролетов, количество комнат в квартире и т. п.

Но вернемся к реформе профсоюзов. Ее мотивами было то, что существующие профсоюзы непомерно велики (в некоторых было более миллиона членов), а отсюда было отсутствие непосредственной, живой связи их руководителей с профсоюзными массами и плохая, бумажно - бюрократическая постановка дела. Целью реформы была об'явлена необходимость приближения, в видах лучшего обслуживания, руководителей к руководимым и как следствие... преобразование ныне существующих 47 союзов в 154, перевод 65 Цик-ов этих союзов из Москвы на места и упразднение в 43 из них промежуточных профсоюзных звеньев. Отсутствие места не позволяет нам подробно остановиться здесь на этой чрезвычайно-любопытной реформе и мы ограничимся лишь тем, что скажем, что, в отличие от прежней, весьма стройной и логичной схемы, новые профсоюзы построены теперь по разным (в некоторых случаях — чисто отраслевому, в других — отраслево-территориальному) принципам и резко разнятся друг от друга, как по их внутренней структуре, так и по размерам территорий, которые они обслуживают. Главный же смысл произведенной реформы — совсем не заботы о массах, а желание нового усиления власти центра — ВЦСПС и его президиума, их руководства и контроля.

Из реформ по замене коллегиального начала единоличным отметим лишь ниболее важную — ликвидацию при Нар. Комиссариате военно - морских дел (летом этого года из агитационных соображений переименованном в Наркомат обороны СССР) Ревоенсовета.

Соображения агитационного порядка играли заметную роль во внутренней политике сов. власти в обозреваемый нами период. Интересы внешней политики, желание изменить в благоприятную для себя сторону западно - европейское общественное мнение, желание предстать перед Западом в лучшем, чем есть, виде, продиктовали сов. правительству ряд реформ и постановлений. Этим летом, напр., в эпоху усиленного сватовства большевиков Лиге Наций, весь мир облетела телеграмма ТААС-а об упразднении ГПУ.

«ЦИК СССР решил создать наркомат внутренних дел, который поглотит ГПУ... Администрация ГПУ упраздняется... Уголовные дела, после расследования будут передаваться соответствующим юридическим органам. Преступления против безопасности будут подсудны Верховному Суду, об измене и предательстве — военным секциям высшего суда».

Правда, в телеграмме было добавлено, что при новом к-те создается специальный совет, с правом ссылки и отправки в концентрационные лагеря, а

также высылки из пределов СССР и что во главе нового ведомства поставлены Ягода, Агранов и Прокофьев... Названные имена для заграницы были пустой звук, административные ссылки и конц. лагери существуют теперь и в др. странах и это добавление совершенно меркло перед фразами об упразднении ГПУ и о прекращении бессудных казней.

Как мы и ожидали, телеграмма эта имела чисто агитационное значение. На самом деле произошло не упразднение ГПУ, а только переименование его. Бессудные кары (высылка, ссылка и заключение в исправ.-трудовые лагери, из коих две последние меры часто представляют собой лишь медленную форму той же смертной казни) будут одним из органов нового комиссариата накладываться и впредь.

В фиктивности перемены курса здесь мы убеждены еще и потому, что не забываем, что ГПУ является сейчас крупнейшим подрядчиком сов. власти (вспомним хотя бы прорытие Балтийско-Беломорского канала) и постоянно нуждается в массовом приливе новых рабочих рук..... Но желательный эффект заграницей произведен и немало доверчивых иностранцев будет искренне думать, что большевики действительно переменились.

Несомненно из-за боязни повредить делу сближения СССР с западно-европейскими странами, пришлось перевести на « модерато » деятельность коминтерна. Назначенная на минувший сентябрь очередная сессия его отсрочена до будущего года.

Надо думать, что также больше по соображениям внешнего, чем внутреннего порядка (со своим населением Сталинское правительство весьма мало считается) на 15 января 1935 года назначен созыв очередного — 7 - го с'езда советов СССР. Предыдущий с'езд был в марте 1931 г. и хотя конституция СССР предусматривает созыв его каждые два года, но сов. власть не спешила это делать и вот почему. С'езду советов предшествуют их перевыборы и связанная с последними отчетная кампания. Во время нее можно, особенно теперь, услышать много неприятных слов. Могут возникнуть опасные мысли и настроения. Этого Сталинское правительство всячески старается избегать.

Иное дело самый с'езд. Он служит прекрасным способом демонстрации перед иностранцами «беспредельного», даже превышающего Гитлеровский, авторитета сов. «фюрера» и полной, безоговорочной, поддержки всех его начинаний многомиллионным русским народом.

Созывом с'езда сов. власть пользуется также и в видах получения материальных выгод. Оно об'являет ко времени с'езда производственный поход, требует за право доклада и рапорта на с'езде дополнительных трудовых усилий и жертв. Сов. граждане «охотно» откликаются на это и сейчас уже начали об'являть о своих будущих «подарках». Сталинградский завод, напр., обещает уложить, сверх плана, 7.000 метров асфальта, шахта № 140 — дать лишних 16 тысяч тонн угля.

Никаких сюрпризов выборы дать не могут. Все будет указано заранее и, сообразно этим указаниям, произведено. Уже появилась руководящая статья Енукидзе. Он говорит, что «в советы необходимо выбирать преданных сов. власти специалистов, ученых, учителей, агрономов, врачей. Должны найти себе место в советах и стоящие близко к колхозам и помогающие советам укреплять совхозы единоличники. Должно быть увеличено представительство комсомола и женщин, а также беспартийных, которых недоставало не только в исполкомах, но и в ЦИК-ах». Как видите, сразу ясно, какие будут перемены, а до выборов еще далеко.

Новая выборная инструкция мало чем отличается от инструкции, действовавшей на последних выборах. Заслуживает быть отмеченным лишь добавление, по которому лишены избирательных прав «кулаки, высланные из пределов сел и поселков, в которых они раньше проживали, за противосоветские и противоколхозные выступления». Поднят с 40 до 50% кворум избирательных собраний.

Зато неприятный для советской власти период отчетной компании значительно сокращен и, вместо прежнего месяца, на этот раз он будет длиться от 7 до 10 дней.

В связи с угрозой войны на Дальнем Востоке наблюдается попытка власти спекулировать на патриотических чувствах населения. Вновь получило право гражданства слово «Родича». Издан даже специальный закон – «об измене родине». Но в интернациональных устах сов. вождей слово «родина» звучит довольно фальшиво и чувствуется, что это тоже только «агитационный лозунг», а не истинный, подлинный патриотизм.

Перейдем теперь к положению дел на аграрном фронте. В этом году можно сказать определенно, что ставка на так наз. социалистический сектор, на совхозы и колхозы, оказалась битой и как те, так и другие, не оправдали возлагавшихся на них надежд. Изыскиваются все способы уклониться от хлебосдачи и выполнений предписаний правительства. Не помогают ни уговаривания, ни угрозы, ни репрессии. Провалились надежды и на политотделы. Если в прошлом году они помогали правительству, «дрались за хлеб», то в этом году этого они не делают и это вполне понятно. В прошлом году политотдельцы — в подавляющем своем большинстве избранные из городских рабочих — были новыми людьми в деревне. Они плохо разбирались в обстановке и готовы были слепо защищать «генеральную линию». Теперь положение изменилось. Они присмотрелись, поняли, куда ведет деревню сталинская политика, и рвения выжимать из крестьян все, что требует власть, не обнаруживают.

Отчаявшись получить с совхозов и колхозов нужное ему количество хлеба, сов. правительство снова берется за своего козла отпущения — многострадального единоличника. На него сыпятся тре-

бования одно за другим, одно другого суровее, одно другого тяжелее. Несмотря на обещание освободить единоличников от обязательной поставки зерна государству с посевов, сделанных ими сверх утвержденных для них планов сева, сов. правительство неожиданно в августе с. г. потребовало сдачи зерна и с этих посевов, вопреки обещанию, данному двумя наиболее «знатными» (модное ныне в СССР слово) людьми Союза — Молотовым и самим Сталиным. Новое постановление подписано одним Молотовым, но ясно, что он действовал не иначе, как по приказу Сталина, и это уклонение последнего от подписи, сваливание ответственности на другие плечи, боязнь потери популярности в высшей степени характерны для Сталина. У него всегда все кругом виноваты, кроме него самого.

О положении рабочих мы писали в прошлом номере нашего журнала —оно мало изменилось с тех пор, разве только «обжуливание, обкрадывание и обмеривание» их приняли такие массовые размеры, что пришлось правительству издать суровый закон о мерах борьбы с этими явлениями. Можно отметить еще и то, что, главным образом, на рабочие плечи выпала тяжесть нового, в один месяц полностью покрытого, 3 1/2 миллиардного внутреннего займа.

Бесчисленные жертвы несут русские люди на алтарь индустриализации страны, на создание крупнейших индустриальных гигантов. — Посмотрим, оправдываются ли сколько нибудь эти жертвы и как дело обстоит там.

Обратим прежде всего внимание, как строятся эти гиганты.

«Дорого» — кричит проф. Штаерман, о фельетоне которого мы упоминали в начале нашей статьи. Нет ни планов, ни смет, ни рациональной постановки дела. Тщетно правительство издает один за другим декреты о запрещении беспроектного и бессметного строительства — все остается попрежнему. Вот, что напр., пишут «Известия» (от 21 августа) — «Пущенный в прошлом году Уралмашзавод и вступающий на днях в эксплоатацию Краматорский маш .гигант до сих пор не имеют утвержденных проектов и смет. Нет их и у 98 сверхлимитных строек Наркомтяжпрома. Примерно, такое же положение, если не хуже, и на стройплощадках других наркоматов».

Может быть лучше обстоит дело на построенных уже гигантах? Знакомимся с речью наркомтяжпрома Орджоникидзе на совещании хозяйственников 20 сентября. И что же?

«Уральский машиностроительный завод — в прошлом году был скорее музеем прекрасного оборудования, а в этом — работает в одну смену»

«Златоустовский инструментальный завод не загружен, хотя имеет прекрасный цех машиностроения».

«Красноуральский завод — первоклассное предприятие, но захламлен».

«Другие заводы еще хуже того».

В химической промышленности — «Новый Воскресенский хим. комбинат втихомолку выведен из строя, а в Березниках серо-кислотный завод надо вывести в ремонт потому, что оборудование здорово износили за 2-3 года». «Обращение с аггрегатами и машинами — прямо варварское».

«Рабочей силой, продолжает Орджоникидзе, мы обеспечены, у нас даже излишек ее, аггрегаты, печи, машины также готовы служить сов. стране, давать много металла. Что мешает? — Плохая работа людей. Наше дело — «не мешать» машинам хорошо работать». — Ценнейшее, воистину, признание.

Орджоникидзе рекомендует молодым сов. инженерам, вчера еще бывшим неграмотными, не зазнаваться и не успокаиваться, а учиться, учиться и учиться, много, терпеливо, упорно и настойчиво.

Опыт жизни показывает большевикам, что одной марксистско-ленинской теории, даже в «блестящей» интерпретации «гениального и великого» Сталина, для жизни недостаточно и постановка школьного дела стала сейчас в порядок дня. В начальной школе, постановлением ЦИК-а партии, запрещено вовсе заниматься политграмотой и «проработкой постановлений с'ездов», в средней школе рекомендовало налечь больше на историю и географию, чем на общественные науки. Преобразуется высшая школа. Вводится 4-летнее обучение в институтах сов. права, создаются снова историко-филологические факультеты, коренным образом реформируется постановка медицинского образования. Нам нужны «лечащие врачи», — говорят большевики и предписывают заниматься больше латынью и медицинскими науками, а не диалектическим материализмом.

Еще на одну сторону сов. политики мне хочется обратить внимание читателя, — это на то, что сов. правительство оказывается неспособным делать какое либо дело собственными силами. Без массовой, притом обычно бесплатной, помощи сов. правители не могут провести ни посевной, ни уборочной, ни хлебозаготовительной кампаний, ни произвести ремонт улиц и домов, привести в порядок ж.-д. станции и ж.-д. путь (транспорт, вообще, наиболее больное место советскаго управления) и т. д. В государственном аппарате работают десятки тысяч всевозможных соцсовместителей, созданы повсюду особые группы содействия, общественные инспектора и т. д.... тратится огромнейшая энергия («Все на посевный, уборочный, хлебозаготовительный и пр. фронты») и масса денег... и все же дело не спорится и идет из рук вон плохо. Бюрократизм, «никчемную писанину», как говорит проф. Штаерман, развили такие, что самим становится страшно. Злоупотребления и воровство достигли таких размеров, что оказывается, что чуть ли не вся страна сплошь состоит из воров, жуликов и обманщиков. Впрочем пример этому подает как мы выше видели, сам Сталин, а русская поговорка говорит «каков поп, таков и приход».

Тяжела и безрадостна картина сов. государственного властвования, где все, точно обрызганное мертвой водой, вянет и гниет. Единственная нашим утешением является, что, несмотря на весь кошмарный советский режим, в России все же бьют кое где источники живой воды, бурно прорывается на волю скованная большевиками народная энергия.

Плохо на колхозных полях, лениво и нерадиво работают на них колхозники. Несмотря на то, что не скошен еще хлеб, а наступающая зима грозит ему гибелью, равнодушно уходят они в 2-3 часа дня с поля домой. Совершенно иная картина у тех же колхозников на их приусадебных, находящихся в их индивидуальном пользовании, участках. Там работают не по часам, там они в работу вкладывают всю душу, там ничего не пропадает, а, наоборот, приносит блестящие плоды. Посмотрите, какой пресс давит единоличников, а у них, напр., в Ченбарском районе 6 % общей посевной площади, а тягла 43%. Если у колхозника в отношении общественного добра настроение «наплевательское», то к своему он относится бережно, расчетливо, по хозяйски. И это неудивительно. Государство цинично говорит ему — «отдай мне все, что я с тебя требую, а до того, останется ли что либо тебе, будешь ли ты сыт или голоден, мне нет дела». Возьмем жилищное дело. Там, где оно находится в руках государства, там мерзость и запустение. Разваливающиеся дома, текущие крыши, землянки вместо приличных квартир. Совершенно иначе, где население само берется за дело. Посмотрите, что стало за несколько лет с Горловкой ,еще недавно утопавшей в море грязи. Или, напр., как меняется положение, когда рабочим дали землю под индивидуальные огороды. Донбас, где в 1932 году было лишь несколько маломощных хозяйств, носивших громкое название агрокомбинатов, и влачивших жалкое существование, стал сразу «цветущим», и теперь у рабочих есть и овощи, и молоко, и сало. и мясо.

Там, где дело ведут русские люди сами, в индивидуальном порядке, все процветает и вся нелепость советской системы становится ярче, выпуклее. Правоверные коммунисты испытывают тревогу от роста индивидуального начала, собственнических настроений, сигнализирують об опасности партии, но последняя уже безсильна как заглушить, так и остановить происходящий процесс. Русский народ медленно, но верно, идет к изжитию и сов. хоз. системы и «мешающих» его успеху большевиков.

В. Попов.

А. А. А.

Единый фронт

Одним из крупных политических событий за последнее время было создание «единого фронта» между французской социалистической и коммунистической партиями. Событие это, по своему значению, выходит за пределы чисто-французских дел и заслуживает, чтобы на нем остановиться.

Вопрос единого фронта имеет длинную историю, на которой задерживаться на этих страницах не место. Длительные и мучительные переговоры, в конечном счете привели к подписанию «пакта» о прекращении взаимной травли и борьбы и об установлении единства действий, направленных против надвигающейся «фашистской опасности». Национальный Совет франц. социалистической партии, собравшийся 15 июля с. г., выработал основы «мирного договора» со вчерашними противниками и поручил административной комиссии провести в жизнь свое решение.

Нас, главным образом, интересует идеологическая, принципиальная сторона наметившегося альянса. Мы не будем занимать внимание читателя конкретными частностями.

Каковы задачи и характер предстоящих действий? Каково политическое значение этого акта с точки зрения интересов демократии? Cui prodest заключенное перемирие? Вот вопросы, на которые нужно дать ответ.

Резолюция Нац. Совета формулирует задачи единого фронта в следующих словах: прекращение взаимных нападок, устранение при совместных выступлениях спорных вопросов и борьба против фашизма, неизбежно включающая защиту демократических свобод, путем организации общих митингов, демонстраций и т. д.

Казалось бы, вынесенное решение должно послужить на пользу демократии. Но увы! Прекраснодушные надежды социалистов найти в ком. партии верного соратника и союзника в борьбе за демократию представляют верх наивности и ослепления. Коммунисты, ведь, не скрывают своей ярой ненависти к демократии — этому буржуазному предрассудку. Их доктрина — диктатура пролетариата в формах, не знающих границ насилия над большинством нации, в корне отрицает основные начала демократии.

Совместная деятельность не ограничивается оборонительными действиями. Ген. секретарь соц. партии Поль Фор в своей речи на заседании Нац. Совета указал на другую задачу, на которую должно быть направлено дружное наступление социалистических и коммунистических сил — это беспощадная и непрерывная борьба против капитализма. «Капитализм — вот враг» — так ставит политико-социальную проблему П. Фор. Правда, «способы

и формы этих совместных действий требуют специального обсуждения с коммун. партией. Нужно во что бы ни стало избежать бунтарства и революционной гимнастики, которые, не принося реальных плодов, только облегчают буржуазии расправу с рабочим классом».

Тщетно на заседании раздавались скептические голоса вдумчивых социалистов:

— «Добросовестность коммунистов? Вспомните случай с Дорио, исключенным из партии как раз за проводимую им тактику единого фронта. Этот эпизод наглядно рисует всю меру коммунистического маккиавелизма. Демократизм большевиков — вздор. Брать в союзники таких сторонников демократии — значит, наверняка, губить дело демократии. В области социальной — лозунг «класс против класса» рискует оттолкнуть средние демократические элементы вправо. Демократический фронт потерпит ущерб. Социалистические организации не должны рвать и отпугивать социальным максимализмом демократические слои страны, которые составляют громадное большинство французского населения. Пример Австрии показывает, что одно только единство рабочего класса не является панацеей против фашистской опасности».

Аргументы противников необдуманного сближения с коммунистами были подробно развиты в проекте резолюции, предложенной Фросаром. К сожалению, они не возымели действия, и политика сближения была одобрена громадным большинством.

Итак, первый шаг сделан — установлено единство действий. Оно должно служить предпосылкой и прелюдией дальнейшего сближения, конечная цель которого — так называемое «органическое единство», т. е. полное слияние социалистической и коммунистической партий в единую политическую организацию рабочего класса. Социлистические лидеры полагают, что осуществление этого давнишнего их заветного желания не за годами. Жиромский, например, уже намечает в грубых чертах синтез, который ляжет в основу единой рабочей партии — «историческая необходимость диктатуры пролетариата, подтвержденная революционными опытами, не противоречит защите демократических свобод, — орудию борьбы рабочего класса».

Тут, очевидно, осторожно запрятаны реабилитация большевицкой диктатуры и признание за ней исторической правды.

Главный оракул французского социализма Леон Блюм также видит в единстве действий преддверие органического единства. Почва, по его мнению, сейчас расчищена. Ведь большевики признают ценность демократических свобод (sic!) и необходимость воздействия на смежные к пролетариату в собственном смысле слова социальные пласты. Такая оценка коммунистической идеологии, разумеется, ни в малейшей степени не соответствует действительности. Желаемое принимается за данное. Гораздо интереснее и симптоматичнее следующие загадочные слова, которыми заканчивается статья Блюма в «Попюлэр» от 11 июля: «Под давлением фашистских угроз мы достаточно существенно изменили некоторые из основных наших тактических концепций, в частности, касающиеся овладения властью». Здесь повеяли не слишком демократические ветры. Автор, повидимому, занят дальнейшим развитием своей старой формулы «vaccances de légalité». В демократическом фундаменте лидера социалистов появилась опасная трещина.

Эти утверждения и намеки Блюма облегчают обоснование наших собственных выводов. Единый фронт, с нашей точки зрения, наносит сильный удар идее демократического социализма. Об'единяясь для общих действий с коммунизмом, социализм выбрасывает из своего идейного багажа необычайно важную ценность — идею демократии, — ту ценность, которая принципиально отличала и отмежевывала его от левого соседа, воздвигая между ними непроходимую грань. Коль скоро этот тормоз снят, социализму не удержаться на наклонной плоскости, ведущей прямым путем к коммунистической пропасти. Ибо в области социальной демагогии, разжигания классовых инстинктов — а как раз на этот путь, выбросив за борт самодовлеющую ценность демократии, становится французская социалистическая партия, — ей не выдержать более «искусной» конкурренции коммунистов.

К счастью, экспансивные французские социалисты, видимо, не находят поддержки своей тактики за пределами своих рядов. С. Ж. Т. заняло отрицательную позицию в вопросе слияния с коммунистическими синдикатами, поставив ряд условий, на которые Унитарная Конфедерация вряд ли пойдет. Недавний с'езд трэд-юнионов категорически отверг идею самоубийственного сближения с коммунистами. Враждебны этой тактике и влиятельные социал-демократические партии Чехословакии, Бельгии, Швеции и Дании.

Нас особенно должна интересовать точка зрения русских меньшевиков. Ведь, в самом деле, одна из лучших иллюстраций «искренности» коммунистов — положение русских социал-демократов в Сов. России. Заграничной делегации с-д известно, как инициаторы единства (нет сомнений, что вся эта возня затеяна в Москве в целях, с «социализмом» имеющих мало общего) проводят на практике единый фронт с «социал-предателями». Ссылка на бесправное положение русских социалистов неоднократно встречалась в речах противников сближения с коммунистами на заседании Нац. Совета. Но на том же заседании присутствовал лидер заграничных с-д Дан. Он этот аргумент признал лишенным силы и убедительности — «знаменитым» (по скромному определению, Абрамовича) кивком головы он вполне солидаризировался с Жиромским, сказавшим, что «положение русских социалистов не должно служить препятствием в полити-

ке сближения с коммунистами». Этот «благородный», самоотверженный — за чужой счет— жест имеет большое символическое значение. Он означает капитуляцию меньшевиков в борьбе с большевиками — ибо какая же борьба совместима с единством действий? Дальнейший логический шаг должен заключаться в ходатайстве перед левыми товарищами милостиво разрешить приобщиться к «социалистическому строительству. Правда, эта позиция меньшевиков получила одобрение трех их товарищей, отправивших из Казани пресловую телеграмму.

Но если и предположить, что текст этой телеграммы был свободно и по их собственной инициативе составлен ссыльными социалистами, эти голоса остаются изолированными мнениями одиночек, — быть может, когда то влиятельных, при отсутствии тени организованности с-д партии в сов. России.

По совести, трудно предположить, чтобы власть марксистских формул до такой степени вытравила непосредственное восприятие живой действительности у значительного числа русских социалистов, не изменивших своему знамени — демократическому социализму.

Во всяком случае, заграничные меньшевики своей «жестикуляцией» поставили себя вне рядов борющихся за демократическое российское будущее сил.

А. А. А.

Е. НОВОХАТНЫЙ

Дальневосточный вопрос

(Письмо из Югославии).

Наша относительная удаленность от эмигрантских политических центров и некоторые другие обстоятельства, затрудняющие наше культурное общение с Вами, являются причиной того, что мы сильно отстаем от Вас в смысле темпа политичесокй жизни, а потому и дальневосточный вопрос, для Вас, вероятно, уже давно потерявший свою остроту, для нас еще совсем недавно являлся злобой дня, да и сейчас еще продолжает волновать эмигрантское море.

Правда, и раньше, в Ваши боевые дни местная печать (я имею в виду, конечно, русскую) не скупилась на выпады и простую брань по адресу П. Н. Милюкова и даже позволяла себе сконфуженно и почтительно «не одобрять» ген. Деникина, но в чем именно заключалась «вина» Милюкова и на чем собственно поскользнулся Деникин, оставалось для читателя в достаточной степени загадочным. И вся эта газетная шумиха, в которой ругань и истерические выкрики заменяли аргументы, а бодрость тона и трескучая фразеология прикрывали бедность мысли, нисколько не выясняла вопроса по существу и лишь заставляла подозревать, что с дальневосточным вопросом, повидимому, не все проходит так гладко, как этого хотелось бы «Возрождению» и его местному подголоску «Русскому Голосу».

Вообще в те дни чувствовалась определенная тенденция, если не совсем скрыть происшедший у Вас раскол, то хотя бы затушевать его до пределов, не имеющего никакого значения инцидента, в котором на одной стороне находится «вся эмиграция», а на другой — незначительная кучка не то большевицких агентов, не то просто чудаков, не понимающих самых простых истин, а потому и не заслуживающих никакого внимания.

Однако, долго продержаться на такой позиции было нельзя. Ведь как никак указанные газеты не являются полными монополистами на нашу информацию. И если не считать местного «Царского Вестника», листка, действительно на редкость убогого, то не малым соблазном все же являются «Младоросская Искра» и «Единый Фронт». А потому, несмотря на малый тираж этих в общем довольно таки скучных газет, утаить шила в мешке было нельзя, как и нельзя было долго выдержать позы высокомерного игнорирования своих противников. Хочешь — не хочешь, а приходилось поднимать перчатку и заняться дальневосточным вопросом вплотную.

Вот для этой цели наши руководящие круги и прибегли к помощи знатных чужестранцев.

Для начала ими был выпущен ген. Головин, доклад которого по дальневосточному вопросу был выдержан в строго академических тонах, как это и приличествует ученому специалисту, чуждому политики и заинтересованному в анализе данного вопроса лишь в пределах своей узкой специальности.

Обычно такие доклады публике нравятся: как бы при этом обеспечивается известное политическое беспристрастие. Однако, как раз в этом случае, публика интересовалась, главным образом, политической стороной вопроса, а не техническими расчетами и выкладками, ничего не доказывающими и ничего не предопредѣляющими.

На чьей стороне должны быть наши симпатии в случае военных осложнений на Д. Востоке и почему? Вот что интересовало подавляющее большинство собравшихся слушателей и разрешение какого вопроса ожидали они от докладчика.

От прямого ответа на этот вопрос ген. Головин уклонился. Однако, наша публика, умеющая читать и между строк, ответ все же получила.... из той картины возможного будущего, которую нарисовал докладчик на случай победы той или другой из числа борющихся сторон. Из этой картины,

вернее карты будущего мира, составленной, кстати сказать, при полном игнорировании неизбежных, конечно, влияний на результаты победы со стороны заинтересованных третьих сил, а потому, по существу в достаточной степени фантастической, слушатель и вывел заключение, что симпатии докладчика склоняются в.... сторону Японии, победа которой, мол, принесет миру меньшее зло, по сравнению с победой коммунистического СССР.

Соответствует ли это действительному убеждению ген. Головина или нет, — не знаю, но таково именно впечатление, вынесенное публикой из его доклада. Во всяком случае, это загадочное и политически неясное выступление ученого генерала не произвело того эффекта, который можно было ожидать и на который, конечно, рассчитывали организаторы его доклада. Но, если, таким образом, ген. Головин и не оправдал в полной мере возлагаемых на него надежд, то зато другой наш гость, харбинский епископ Нестор, надо думать с лихвой превзошел все ожидания. Ибо его акцию не только нельзя назвать загадочной, но, наоборот, она была до трогательности откровенной и ничем не прикрытой.

За время своего пребывания в Югославии, этот на редкость энергичный епископ не только об'ездил все крупные центры, но не поленился заглянуть даже в некоторые, совсем уже глухие ее уголки.

Встречаемый всюду с почетом, соответствующим его сану, епископ Нестор без устали, знакомил русских эмигрантов с жизнью, верованиями и обычаями дорогих его сердцу японцев, славословил их рыцарские доблести, и попутно развлекал слушателей рассказами об испытанном друге русских, «дорогом Савве Даниловиче» (небезызвестном генерале Араки). И все это в елейно-приподнятом тоне с преувеличениями в описании одних сторон жизни японского народа и с затушевываниями, а иногда и просто замалчиваниями других ее сторон. Словом, в этом русском епископе японцы нашли, если и не очень талантливого (он далеко не оратор), то во всяком случае на редкость усердного и многоречивого агитатора.

Епископ раз'езжал не один, а в сопровождении келейника, назначение котораго было ставить точки над «i» и подводить итоги.

Хороший и опытный лектор, этот келейник брал быка за рога, и, не теряя времени на елейную водичку, осторожно подводил слушателя к главному, описывая культурную роль Японии в Манчжуко и вообще на Д. Востоке, их заботу о местном населении, симпатии к русским эмигрантам и, наконец, сообщал о пресловутом проекте создания ими буферного государства из русских областей между Манчжуко и СССР.

Так, соединяя высокую романтику с низкой прозой, два русских церковнослужителя, дополняя один другого, в течение нескольких недель обрабатывали русскую эмиграцию во славу Японии.

И надо признать, что понесенные ими труды и расходы не пропали даром: на почве общей усталости, яд пораженчества беспрепятственно отравлял обывателя из «бывших людей», получившего, казалось, свое оправдание и мощную поддержку не только представителей науки, но и религии. А местная русская печать, захлебываясь от восторга, славословила и курила фимиамы заезжим гостям.

К счастью, эта позорная свистопляска продолжалась недолго.

Совершенно неожиданно, в одной из наиболее распространенных югославянских газет («Политика») появилось интервью по дальневосточному вопросу, данное сотруднику газеты представителями различных русско - эмигрантских группировок, из которого стало для всех очевидным, что идея пораженчества далеко не разделяется политической эмиграцией. Ибо, кроме ген. Барбовича, защищавшего точку зрения РОВС-а наивной уверенностью, что соседние с Россией государства (читай «Япония») «не захотят посягнуть на отторжение тех ее частей, которые органически с ней связаны» (очевидно, имеется в виду и существование таких ее частей, которые органически с ней не связаны) и Б. Гершельмана, который от лица монархистов-легитимистов выразил не менее наивную надежду, что «здравый смысл, присущий японцам, удержит их от соблазна легкого захвата русских земель» — все остальные группировки оказались против поддержки Японии в ее агрессивной политике на Д. Востоке. Интересно, что «Кр. Россия», в лице Г. И. Царика, мужественно отмежевалась от пораженцев, несмотря на общеизвестное расхождение по этому вопросу внутри самой партии, и только настаивала на усилении борьбы с советской властью, в период будущих военных действий, во имя «защиты страны от внешнего врага». Не напоминает ли это Вам знакомые мотивы времен Великой Войны?

Нечего и говорить, что в стране, созданной в результате длительной героической борьбы за национальную идею и с традиционным взглядом на Россию, как на оплот славянства, эмигрантское пораженчество не могло не быть встречено с недоуменьем, а тем более не могло вызвать сочувствия.

Словом, для наших пораженцев создалось положение незавидное, поправить которое нельзя уже было, ни лекциями парижских специалистов, ни пропагандой харбинских монахов. Приходилось защищаться и притом на идейной почве. И вот на авансцену выступает П. Б. Струве. Назначается его доклад по дальневосточному вопросу и даже с прениями, чего обычно у насъ избегают, предпочитая использовать все выгоды более безопасной односторонней пропаганды. Наплыв публики был небывалый. Сравнительно большой зал Дома Русской Культуры был набит до отказа и все же многие, главным образом, из числа учащейся молодежи, не могли проникнуть в зал заседания, места которого были заранее расписаны и распроданы.

Проф. Струве, конечно, не чета нашим доморощенным идеологам из числа «бывших людей» и им было выдвинуто и развито все, что только мо-

жет хоть как нибудь оправдать позицию РОВС-а. Однако, черное превратить в белое не удалось и ему, а потому об успехах с идейной стороны говорить не приходится, зато в тактическом отношении его выступление надо счесть определенной ошибкой. Ибо, с одной стороны оно обмануло надежды тех, кто рассчитывал услышать новые, сильные слова и аргументы в защиту занятой позиции, а с другой стороны, открыло для его противников возможность публичной критики «генеральной линии» РОВС-а, чего у нас боятся, и не без основания больше всего. И, конечно, совершенно был прав со своей точки зрения В. Шульгин, когда задавал тревожный вопрос: да надо ли было это обсуждение дальневосточного вопроса, не лучше ли было не поднимать его вовсе.

Но не этим одним исчерпываются результаты этого словесного боя.

Попутно был вскрыт факт, для некоторых весьма неприятный, который к довершению конфуза еще и был подмечен и даже подчеркнут местной (нерусской) печатью. Это тот факт, что эмигрантская молодежь не находится в одном лагере со Струве. Ибо на его докладе не только никто из них не пришел к нему на помощь, но наоборот, наиболее острая, временами доходящая до размеров скандала, критика раздавалась, как раз с этой стороны. И этот уход молодежи из-под опеки «отцов» был настолько очевиден, что югославянская «Политика» и самый отчетъ по докладу Струве озаглавила как «Сукоб (столкновение) младих и старих на сбору руских эмиграната у Београду».

Интересно также отметить, что младороссы в лице И. И. Толстого, удаленного, кстати сказать, из зала заседания за резкий выпад против Струве, но напечатавшего затем свою прерванную речь в местном «Царском Вестнике»,сильно разошелся с Б. Гершельманом, лидером наших «кирилловцев». Настолько сильно, что фактически они оказались в противоположных лагерях. Как это совмещается с общеизвестной их политической связанностью, одному Богу известно.

Так печально, для многих «авторитетов» закончилась единственная в своем роде, конечно вынужденная, попытка прибегнуть к публичному обсуждению принципиальных общеэмигрантских вопросов, взамен излюбленного у нас старого способа разрешения их путем приказов и «руководящих указаний».

Если еще упомянуть доклад на эту же тему известного В. И. Лебедева, прочитанный им в местном отделении «Ротар-Клуба» и имевшего цели информации с дальневосточным вопросом местных влиятельных кругов, то этим и будет исчерпано все, что носило характер больших публичных выступлений по этому вопросу у нас в Югославии.

В настоящее время, дальневосточный вопрос перенесен из узкого круга профессиональных политиков в широкие слои эмиграции, где, естественно цепляясь за вопросы общеполитического и социального характера, способствует часто довольно резкому изменению в социально-политических воззрениях рядового эмигранта.

Особенно остро и страстно он дебатируется, конечно, в более молодой по возрасту части эмиграции, где, в отличие от оппортунистически настроенных «отцов», наблюдается большая принципиальность и жертвенность и где поэтому не имеет успеха проповедь мещанского благополучия, к тому же весьма проблематического. И будет прямо чудом, если наших, склонных к авантюрам эмигрантских верхов, строющих, конечно, свои расчеты на послушании этой молодежи, минует чаша горького разочарования, на случай действительного возникновения вооруженного столкновения на Д. Востоке.

Несколько неожиданным эпилогом всей этой истории являются события в Белградском Университете, куда незадолго до своего публичного выступления был приглашен П. Б. Струве для чтения курса социологии.

Назначенная им вступительная лекция, собравшая необычно полную аудиторию, не могла состояться, т. к., несмотря на интервенцию сопровождавшего его сербского профессора, ему буквально не позволили открыть рта и он был вынужден покинуть помещение под крики «на поле» (вон) и страшный шум хлопающих пюпитров.

Югославянская печать отозвалась на этот скандал репортерскими заметками, лишь вскользь намекнув на связь его с недавним публичным выступлением Струве по дальневосточному вопросу. «Возрождение» и, конечно, наша местная пресса старательно приписывали все это проискам коммунистов.

Возможно, конечно, что в этой демонстрации принимали участие и коммунистически настроенные студенты, но утверждение, что это дело только их одних, является безусловной натяжкой.

До Струве и после Струве, в Белградском университете, как и в других учебных заведениях Югославии, читали и читают не мало профессоров, в том числе и русских, которые не в меньшей степени чем Струве неприятны коммунистам. Однако никто не мешал и не мешает им выполнять их профессиональные обязанности. Почему же вдруг такое исключение для проф. Струве?

А тот факт, что во время описываемого скандала на фоне общего крика и гама раздавались и возгласы «продаешь Россию» и «изменник» заставляет думать, что югославянская печать была ближе к истине, чем «Возрождение» и что связь надо искать, не столько с антикоммунистическими воззрениями проф. Струве, сколько с той антирусской и антиславянской позицией, которую занял эмигрант Струве в дальневосточном вопросе.

Е. Новохатный.

Закончил уже письмо, когда газеты сообщили о новом эмигрантском выступлении по дальнево-

сточному вопросу, героем которого явился «вождь русских фашистов» А. А. Вонсяцкий, который изволил посетить Белград и дать обширное интервью сотруднику сербской газеты «Политика».

Как и надо было предполагать, «вождь» работает в полном контакте с японцами и под их всемерным покровительством (так, по крайней мере, он уверяет), но зато, уже вопреки всяким ожиданиям, план действия, выработанный им, совершенно лишен всякой воинственности и вместе с тем, как все великое, до чрезвычайности прост.

«Когда иностранные войска займут русскую территорию, а это будет очень скоро (цитирую по «Политике» Е. Н.), кадр наших агитаторов двинется за ними и сейчас же начнет работать среди местного населения и тысяч пленных красных солдат. За ними будет двинута бригада организаторов, которая приступит к формированию фашистских организаций, а за нею — отряд работников специального назначения с целью контроля работы агитаторов и организаторов». И точка. Просто и безопасно. Японцы воюют и проливают кровь, красные сдаются в плен, а Вонсяцкий пожинает плоды. Чем плохо?

Е. Н.

Д. МЕЙСНЕР

В погоне за успехом

(Письмо из Чехословакии).

Первый номер «Нашего Слова» подвергся резкой критике в «Знамени России», органе Крестьянской России», вернее той группы друзей С. С. Маслова, которая сохранилась от этой распадающейся партии. Против критики р-д-ки нисколько не возражают; наоборот, они ее ищут, чтобы в серьезном споре с добросовестным противником провсрить свои позиции и утверждения и отточить свою аргументацию. Увы! Не к этому разряду полемики относится исполненная неоправданной заносчивости и несколько неожиданного для автора апломба «заметка» Б. В. Седакова, ставшаго теперь, за уходом прежних руководителей, одним из «председателей» одного из многих «руководящих органов» аппарата «Крестьянской России».

В чем, однако, дело? Г. Седаков, озаглавивший свою статью — «Надгробное Слово» находит, что злейшие враги РДО не могли бы произнести ему такого ярко-убедительного надгробного слова, которое воспроизведено на 48 стр. «Нашего Слова». «Редакция, говорит полемист из «К. Р.», с полным знанием дела и цифрами в руках показала и доказала, что к моменту выхода журнала, РДО, как действующая политическая сила, не существует». Расправившись таким образом с нелюбимым РДО, автор «Надгробного Слова» уничтожает решительным приговором и его новый журнал. «Назначение «Нашего Слова» музейное, его значение — нулевое» (тут следует милая шутка Эр - Де - Ноль). Впрочем читатели не должны отчаиваться. Б. В. Седаков дает некоторую надежду друзьям демократии — «было бы печально, заявляет он, если бы на страже идей свободы и права стояли только рыцари «Нашего Слова». Не нужно особой догадливости, чтобы понять, что почтенный автор только из понятной скромности не заменил печальных рыцарей РДО более расторопными и предприимчивыми членами «К. Р.»

«Жизнь РДО всегда текла тихо и неторопливо», язвит г. Седаков и тут же иллюстрирует: до сих пор р-д-ки говорят о своей социальной программе, принятой еще в октябре 1932 года. И это в то время, как в «К. Р.» жизнь била ключем, что ни месяц — то новые достижения, там идут вперед и не любят оглядываться и вспоминать прошлое; — неудивительно, что представитель активистской «К. Р.» с презрением щурится на парижских р-д-ов, до сих пор занимающихся программой 1932 г., вместо того чтобы дважды за истекший срок от нее отказаться. «Школа» «К. Р.», где полезность и успех политической организации определяются числом устроенных докладов и количеством навербованных на скорую руку членов, мешает критику нашего издания немного шире взглянуть на положение и назначение партийных групп и кружков в эмиграции. В одном он прав — в РДО нет выявленной «активности», заключающейся во взаимной внутренней борьбе и изобличении, — в этом действительно отдел «Хроники» «Нашего Слова» сильно отстает от соответствующего отдела журнала «К. Р.»

Развивая постепенно свою организацию и вводя в курс активной политической работы своих членов, РДО не хочет брать примера с тех эмигрантских организаций, которые, взбудораживая своих адептов неосуществимыми заданиями, дают заведомо неисполнимые обещания (в особенности в отношении «активизма» по ту сторону рубежа), с тем, чтобы вскоре обнаружить свое безсилие, выставив на потеху врагов еще одного «голого короля». Кое-что мог бы рассказать об этом и г. Седаков хорошо знакомый с делами «К. Р.»

Если мы, с своей стороны, воспроизведем некоторые факты из истории распада «К. Р.», то сделаем это, естественно, не из мелкого злорадства по поводу неудач наших недавних союзников, теперь ушедших в лагерь противников, а на том основании, что события происшедшие в «К. Р.», не случайны: они вызваны всей тактикой этой группы, тактикой, вынудившей р-д-скую группу партии Нар. Свободы разорвать союз с «К. Р.» и приведшей к тому, что бывшие в недавнем прошлом, почти еди-

номышленниками, мы теперь говорим с Б. В. Седаковым на разных языках.

В конце 1930 г. ряды «К. Р.» покинула группа самой активной и интеллектуально сильной ее «молодежи». Эта группа тогда же, устами своих докладчиков на публичном диспуте изложила мотивы своего ухода. Вот эти мотивы: 1) общие соображения об опасности становиться в эмиграции на путь образования чисто партийной организации, 2) демагогически заостренный классовый характер «К. Р.» (от этого, кстати, последовал отказ), 3) утомление и разочарование в бесплодном «активизме» (призыв к выдержке и терпению и возражения против ложного пафоса и барабанного шума) и 4) возражения против диктатуры лидера «К. Р.», который не находил нужным считаться с мнением своих сочленов и смотрел на них, как лишь на материал, могущий быть использованным в том или ином направлении.

Прошло несколько лет и в первой половине текущего года мы были свидетелями второго «исхода» из «К. Р.» — на этот раз ушла группа основателей партии, во главе с председателем ее центрального комитета А. А. Аргуновым, и ряд молодых активных сил. Мотивы ухода были изложены в особом письме, опубликованном в русской прессе. В этом письме указывались «шатания в идеологической и, в особенности, тактической области, грозящие полным извращением политической и моральной физиономии «К. Р.», и отмечалось, «что проводимая нынешним пражским центром внутрипартийная линия (понимай — диктатура лидера Д. М.) создала атмосферу, при которой приходится констатировать не только невозможность солидарной и плодотворной работы, но и неизбежность прогрессирующего ее падения вообще, а с нею и роли партии заграницей в борьбе за освобождение России». К этому нужно добавить, что гордость «К. Р.», ее «боевая» дальневосточная группа, почти в полном составе порвала с С. С. Масловым и оффициальной «К. Р.» и связалась с группой ушедших.

То, что произошло с «К. Р.», как сказано выше, не случайно. Для тех, кто наблюдал эту партию и сотрудничал с ней, давно обозначилась та «опасность полного извращения политической и моральной физиономии партии», о которой громко сказала последняя группа ушедших.

Одной из причин разрыва р-д-союза было то, что «К. Р.» об'явила себя сугубо «активистской», ведущей «особую» работу в России в определенном отношении. Этой работе придавали решающее значение в деле борьбы с большевизмом. В отношении р-д-ов, имеющих иную оценку этой «работы», стали применять лексикон, заимствованный у правой эмиграции. Что же случилось? В организацию пошли «активисты», часто весьма далекие от оффициальной идеологии партии. К ним начали приспосабливаться, тем более, что это совпало с общей фашизацией части Европы. «К. Р.» не хотела отставать от века. Старых лидеров в этой обстановке нужно было отстранить, — им, в сущности, не осталось места. Распад пришел, однако, и с другого конца; — активисты, подойдя ближе к работе, пережили горькое разочарование. Они не нашли того, чего ожидали, и встретились с тем, что вынудило их горячо протестовать... В результате, в среде ушедших оказались и старые политики - идеологи, основатели «К. Р.» и недовольные «голым королем» активисты.

Оставшаяся верной лидеру группа, сохранившая за собой большинство, а потому и прежнее наименование «Крестьянской России», находится сейчас в поисках ориентации. В погоне за дешевым и скорым успехом здесь, в эмиграции, и там, за рубежом, «К. Р.» в значительной степени растеряла свой идейный багаж; передовые «Знамени России», и, в большей еще степени, статьи постоянных сотрудников этого партийного издания, представляют собой нечто весьма нестройное и внутренне противоречивое: от верности демократии до увлечения германским примером (выступления Бухштаба), от ориентации на внутренние процессы в России (доклад С. С. Маслова об 17 с'езде компартии) до заушения тех, кто подобными высказываниями «гасит дух активной эмиграции». Не нам предсказывать, которая из тенденций одержит верх в «К. Р.» Мы можем отметить только одно, что проводится «К. Р.» неуклонно, — это резкая, демагогическая травля республиканско - демократических элементов эмиграции, представленных РДО и П. Н. Милюковым; цель этого, видимо, двойная: заслужить одобрение у правой «улицы» в Белграде и иных «центрах», и прикрыть свое собственное идейное поражение.

Эта тактика по отношению к своему недавнему союзнику не очень благородна, но группа ушедших, в своем открытом письме, недаром говорит об извращении «К. Р.» политической и моральной физиономии партии.

В этом свете нападки г. Седакова — лучшая рекомендация для «Нашего Слова» — новаго литературного начинания РДО.

Д. Мейснер.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

(Письмо из Бельфора)

Совершая свое турнэ по Франции, представители Н. С. Н. П. посетили и наш Бельфор. 10 и 11 августа ими было сделано 4 доклада на тему о современном политическом положении, идейной платформе Н. С. Н. П. и его тактике.

Надо признать, что содержание этих докладов

не могло удовлетворить хотя бы сколько нибудь взыскательную публику. Н. С. Н. П. не сказал почти ничего нового и повторял лишь положения, пропагандировавшиеся раньше Р. О. В. С., филиалом которого он и является, но только пытался завуалировать наиболее острые места. Так наприм., трактуя дальне-восточный вопрос, докладчики избегали говорить о буфферном государстве и, подчеркивая японофильские настроения местной русской эмиграции, старались доказать, что победа японцев не повредит русским национальным интересам.

Н. С. Н. П. отрекомендовался «революционной» партией, стоящей на базе национализма, непредрешенчества и революционной борьбы в СССР. Обстоятельного обоснования своих тезисов докадчики не дали. Были призывы к самопожертвованию, ставилась в пример энергия и организованность большевиков, разваливших в 17 лет могущественную Россию. Но из речей докладчиков нельзя было видеть, что они предполагают делать на следующий день после падения большевизма. В этом отношении Н. С. Н. П. невыгодно отличается от дореволюционных русских партий, обладавших вполне определенными политическим и социальным идеалами.

Несмотря на туманность програмных положений Н. С. Н. П., все же иногда в докладах просвечивали симпатии докладчиков, например, к итальянскому фашизму. Не считаясь с специфическими причинами, вызвавшими его появление в Италии, наши «националисты» обнаружили готовность слепо копировать этот иностранный образец.

Странное впечатление оставило после себя выступление Н. С. Н. П. в Бельфоре. Бросалась в глаза полная беспомощность его представителей дать ответ на такой коренной вопрос, как отношение русской эмиграции к возможности захвата русской территории иностранцами. Чувствовалось полное непонимание Н. С. Н. П. сложных внутренних процессов, связанных с русской революцией и происходящих сейчас в России. Крайне примитивна у них постановка борьбы с большевизмом.

Выступление Н. С. Н. П. не дает основания считать его организацией, продумавшей и проработавшей в себе те или иные политические принципы и желающей вести трезвую, связанную с требованиями жизни, политику. Повидимому, Н. С. Н. П. не по силам усвоение и выбор принципиальных оснований и разработка платформы, требующих и больших теоретических знаний и житейского опыта, а потому представители Н. С. Н. П. и кричат: «Долой авторитеты». На стене русской столовой в Бельфоре, где происходили доклады Н. С. Н. П., появилась гектографированная заметка, в которой целый ряд русских ученых и общественных деятелей был об'явлен «призраками прошлого» и «обывателями».

Но не преждевременно ли выдал себе аттестат политической зрелости Н. С. Н. П. и не похож ли он на некоторых из действующих лиц Кантемировской сатиры, начинающейся словами: «Уме недозрелый, плод недолгой науки».

Н. Трусов.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РДО

По случаю десятилетней годовщины основания РДО, 3 июня, под председательством П. Н. Милюкова, состоялся банкет с участием представителей дружественных р-д-кам политических течений. Среди гостей — Н. Д. Авксентьев, А. С. Альперин, М. В. Вишняк, Н. К. Волков, Д. Н. Григорович-Барский, С. И. Иванович, В. А. Лопатинов, А. Ю. Раппопорт, М. А. Струве, И. Троцкий, Б. И. Элькин и др.

Перед началом речей были прочитаны многочисленные приветствия, полученные от близких организаций и отдельных лиц. Ниже читатель найдет тексты этих приветствий, свидетельствующих о признании за РДО больших заслуг в деле распространения и защиты р-д. идей.

Серию речей открыл секретарь РДО — **А. А. Александров.** В кратком историческом обзоре он нарисовал путь, проделанный РДО за 10 лет его существования. С самого начала своей деятельности РДО выступила как боевая политическая организация, направившая свои удары по устарелой «белой» идеологии, принявшей за рубежом определенно реставрационный характер.

В борьбе против Зарубежного С'езда РДО закалило и укрепило свои политические позиции и сняло с эмиграции клеймо реакционно-классовой заинтересованности.

В период охвативших эмиграцию возвращенческих настроений, в которых грозило раствориться непримиримое, революционное отношение к непризнанной народом коммунистической власти, РДО выставило свои тактические тезисы. Делая ставку на внутренние силы русского народа, оно четко проводило границу между Россией, продолжающей жить, вопреки большевикам, и уродливой властью, насилующей нормальные жизненные процессы.

Третий этап деятельности РДО был связан с выработкой — в свете русского и мирового опыта — социально--экономической программы, намечающей реальные пути хозяйственного процветания. Оратор считает вздорными и необоснованными обвинения наших политических врагов в отсталости и нежизненности наших позиций.

Наша социальная программа предвосхитила новейшие искания, нашедшие свое выражение в многочисленных планах экономической реконструкции. Больше того — в программах даже политических антагонистов РДО можно найти обрывки

наших идей — результат нашей 10-летней работы над оздоровлением эмигрантской политической мысли. Основные идеи РДО — ценность свободной личности и социальная солидарность являются почвой для тесного сближения всех демократических сил перед лицом общих врагов демократии и культуры.

Закончил свою речь оратор напоминанием, что скромный десятилетний юбилей РДО совпадает с 75-летним юбилеем П. Н. Милюкова, идейного вождя всей р.-д. эмиграции, и выразил встреченное долго несмолкавшими аплодисментами пожелание, чтобы П. Н. еще долгие годы вдохновлял и возглавлял бы р-д. организацию.

Е. И. Унбегаун в своей речи остановилась на способности демократии находить выходы из политических и экономических затруднений. Демократическое государство умеет в нужный момент выдвинуть сильную власть. Последним по времени примером является смелый план Рузвельта, проводимый в строгих рамках правового государства. Неверно утверждение наших политических противников, что идеи свободы и права устарели и неприменимы к России. В русских условиях только эти принципы могут возродить страну. История человечества находится в поступательно-колебательном движении, но стимулом движения вперед всегда были идеи свободы и права. Политические тезисы РДО построены не на летучих настроениях дня, а из этих общечеловеческих принципах.

Ст. Иванович отмечает заслуги РДО, планомерно и систематически ведущего работу по внедрению в эмигрантское сознание идей свободы и социальной справедливости. Констатируя печальный факт увеличения в мире демократических эмиграций, оратор призывает русскую зарубежную демократию к сближению с демократическими эмиграциями других стран, также потерпевшими поражение в борьбе с диктатурой. К установлению тесной связи побуждает интернациональный характер демократической идеологии. Ст. Иванович оканчивает свое слово пожеланием р-д-кам гореть пафосом свободы, проникнуться «империализмом» идеи свободы среди нынешней тяжелой политической обстановки.

К. И. Аристов предостерегает от распространенного сейчас пессимизма — ведь целый ряд великих государств остался верен демократическому строю и ищет выхода из существующих затруднений, не отказываясь от основных принципов демократии. Но если бы даже Зап. Европе предстояло пережить волну реакции, то Россия уже проходит через это испытание, и есть основание думать, что этот период насилия и угнетения уступит место режиму свободы, которому будет суждено сыграть огромную творческую роль в развитии всех живых сил страны.

В заключение оратор высказывает уверенность, что роль РДО не ограничится чисто пассивной задачей хранителя демократических идей и старой культурной традиции и что программа РДО, в момент возрождения России, будет отвечать настроениям и жизненным потребностям русского народа.

Б. И. Элькин вспоминает первые годы эмиграции, когда еще была жива психология гражданской войны и господствовали старые политические понятия. В этой нездоровой обстановке прозвучал авторитетный голос П. Н. Милюкова. П. Н. первый выдвинул то понимание процесса русской революции, которое легло в основу течения РДО прямого преемника русской либерально - демократической традиции. Б. И. Элькин приветствует сплоченность РДО и желает ему поскорее перенести свою деятельность на родную землю.

Н. Д. Авксентьев призывает членов РДО попрежнему крепко стоять на страже свободы, разума и культуры. Легко защищать эти принципы в нормальной обстановке при наличии благоприятных для них условий. Труднее быть их поборниками, когда историческая волна, как будто бы, захлестывает самые начала цивилизации. Однако тем более необходимо и почетно исповедывать вечные ценности свободы и демократии в момент их временного ущерба .

Верой в скорое наступление обратной исторической волны, которая приведет к прочному торжеству дорогих нам идей Н. Д. Авксентьев закончил свою речь.

П. А. Брюнелли с удовлетворением отмечает совпадение р-д-ских настроений с внутри-русскими настроениями. Свидетельством этого служат доклады Т. Н. Чернавиной. Оратор уверен, что народившееся в России молодое поколение прежде всего будет утверждать идею свободы.

Г. М. Арнольди говорит о сложности идейной позиции РДО сравнительно с другими эмигрантскими течениями. «Белые» застыли в своей архаической доктрине. С другой стороны «пореволюционные течения», в своем стремлении не отстать от событий, часто теряют принципиальную почву. РДО всегда искало сочетания верности идеала с верностью разуму, требующему освоения меняющейся политической действительности. Поиски «приводного ремня» в Россию наполняют всю десятилетнюю жизнь РДО и в значительной степени определяют и его тактику и программу. В этом смысле мы всегда оставались верны России и должны мужественно сохранить эту верность независимо от того, какие бы испытания нам не предстояли бы в будущем.

Т. М. Якушев останавливается на патриотической позиции РДО в связи с последними международными событиями. Декабрьский доклад П. Н. Милюкова получил громадный резонанс и оздоровил эмигрантскую атмосферу, которую систематически отравляли бесстыдной пораженческой пропагандой патентованные «патриоты», в частности орган «национальной» мысли «Возрождение», ставшее просто японским официозом.

Оратор вскрывает софизмы ослепленных сторонников борьбы с большевиками любыми средствами и развивает коренной тезис РДО, гласящий,

что борьба с сов. властью не должна переходить в борьбу против интересов России.

РДО лишний раз доказало, заканчивает оратор, что с р-д идеологией органически связано подлинное национальное чувство.

В. В. Попов, говоря об отношении РДО к России, отмечает разницу в оценке происходящих на родине событий со стороны правой эмиграции и р-д-ков. Мы не радуемся сов. неудачам, т. к. знаем, что за ошибки, глупость и преступления сов. власти приходится расплачиваться русскому народу. Мы не радуемся и так называемым «сов. достижениям», ибо знаем цену им, скрытые за ними страдания и разорение русского народа. Но мы, р-д-ки гордимся и радуемся той жизненной энергией, которую в борьбе за лучшее будущее, в неимоверно - тяжелых условиях ком. диктатуры, проявляют на родине русские люди, стремясь к новым культурным победам и завоеваниям.

А. М. Кулишер в своей речи протестует против распространенного мнения, что демократия в наше время сходит со сцены. Так могут говорить только люди, не имеющие элементарного представления об ее истории. Демократия есть явление новейшей истории и насчитывает лишь десятки лет своего существования. Впечатление, произведенное на русских демократов последними событиями, отчасти об'ясняется поверхностным знанием Зап. Европы и ее идеализацией. В частности, в Германии настоящей свободы никогда не было, поэтому Гитлер с такой легкостью и овладел властью. Что касается России, то нельзя забывать об одном — массы выведены из состояния вековой инерции и молчания, а раз заговорившы, хотя бы в условиях сов. диктатуры, они неизбежно придут к вечным ценностям демократии.

В заключение **П. Н. Милюков** подводит краткий итог всему сказанному. Прежде всего, говорит он, здесь признано, что мы имеем миссию. Наша миссия есть сохранение для России демократических идей. Подобно Кулишеру и Аристову, я не сторонник пессимизма, и, в качестве историка, нахожу, что даже современные диктатуры поневоле покидают традицию безконтрольной власти и стараются облачиться в демократические одежды. Исходная точка нашей идеологии, конечно, как заметил Ст. Иванович, интернациональна. Но в приложении к тактике борьбы каждая страна влагает в нее свое национальное содержание. Нас упрекают, что наши идеи не заражают пафосом. Но в так называемых «пореволюционных» течениях слишком много пафоса вкладывается в фантастические построения и в демагогические приемы. Мы, действительно, тому и другому чужды. Наши три лозунга — разум, знание, здравый смысл — лишь постепенно овладевают умом и чувством. Но что они овладевают, показывает та судьба нашей 10-летней проповеди, о которой говорили здесь некоторые ораторы. Эта проповедь привела к тому, что те самые положения, против которых ожесточенно боролись в начале наши противники, как против преступных парадоксов, ими же повторяются теперь, как сами собой разумеющиеся трюизмы.

10-ЛЕТИЕ РДО В ЛИОНЕ

31 августа с. г. исполнилось 10-летие со дня основания Лионского отделения. Подведению итогов десятилетней работы был посвящен доклад председателя отделения Н. С. Качвы. Подробно охарактеризовав политический актив РДО за истекшие годы, Н. С. Качва особенно подчеркнул необходимость для р-д-ков стоять «лицом к России», присматриваться к русской жизни не затуманенными страстью глазами и об'ективно изучать происходящие там процессы.

ПРИВЕТСТВИЯ

полученные РДО по случаю 10- летия его существования.

РДО получены многочисленные приветствия, как от отдельных лиц, так и близких РДО идеологически партий и организаций. За недостатком места, приводим лишь несколько выдержек из них.

Пражская республиканско-демократическая группа партии народной свободы

пишет — «в годину шатания и разброда политической мысли и переоценки верований и идей ярким маяком для русских людей горит десятилетняя работа РДО... Мы гордимся быть с Вами вместе под мудрым водительством П. Н. Милюкова».

Демократическая группа русских эмигрантов в Польше —

«Нам пришлось работать на общественном и политическом поприще вдали от центров русской эмиграции, в условиях не всегда благоприятных и для русского дела вообще и для демократических принципов, в частности. Но в нашей работе нас всегда поддерживало и укрепляло сознание, что мы не одиноки и в Вас мы видели естественный центральный орган... Мы искренне желаем, чтобы РДО взяло на себя и успешно выполнило работу об'единения однозвучных элементов во всех пунктах русского рассеяния».

Крестьянское об'единение —

«выражает свое удовлетворение за ту политическую работу, которую вело РДО за время своего существования Не в пример другим политическим организациям, РДО сумело преодолеть разрыв между старым и молодым поколениями: избежать спора об «отцах» и «детях»... Крестьянское Об'единение выражает надежду, что РДО сумеет преодолеть разрыв между старым и молодым не только в смысле возраста, но и в смысле единения старых и молодых социальных сил, выдвинутых русской революцией, сумеет найти единство между интеллигенцией и крестьянством. Эту надежду мы черпаем из самого замысла РДО».

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

Редакция журнала «Современные Записки»,

приветствуя РДО и желая «скорейшего осуществления нашей общей мечты: утверждения подлинной свободы и демократии в России и плодотворной деятельности РДО на пользу родному народу» отмечает, что «когда Об'единение создавалось, демократия победоносно прокладывала себе дорогу. Иное дело сейчас, в сумерках, сгустившихся над Европой. Тем больший долг и подвиг — сохранить верность демократии, преданность вечным заветам — свободе, равенству и справедливости».

Пражские друзья РДО — Е. Д. Кускова, Е. Репьева, А. Байков и С. Н. Прокопович

приветствуя РДО, пишут: «Стойкая и мужественная защита личного начала, столь попираемого коммунистическими и фашистскими методами государственного управления, и в то же время, признание высокой ценности политической и социальной организованности народных масс — эти основные принципы РДО — дороги каждому демократу. Работа республиканских демократов трудна в эпоху господства авторитарных принципов. Но из катастроф никогда не рождались принципы, которыми следует руководствоваться в мирные периоды и которые поднимают народы на высшие ступени культурно - политического развития. Такие вопросы, как планирование, формы организации масс, огосударствление всех хозяйственных функций или оставление части их в частной собственности, вопросы разоружения и т. д. должны найти в нашей среде теоретиков и практиков, стремящихся использовать на путях их разрешения традиции демократии и ее методы. Эта работа в современной обстановке и трудна и сложна, но трудности ее скрашиваются полной и непоколебимой уверенностью в том что после блужданий по дебрям диктатур, после доктрин духовного средневековья, человечество снова вернется к культу личности и свободы».

ДОКЛАДЫ И СОБРАНИЯ :

3 июня 1934 г. состоялось, под председательством Н. Н. Кнорринга и при секретаре А. Е. Федорове, годичное Общее Собрание членов РДО, на котором присутствовали также представители отделений РДО: Лионского — Н. С. Качва и Бельфорского — Н. С. Трусов.

В произведенных выборах избранными оказались.

Председателем РДО — П. Н. Милюков; членами Правления: А. А. Александров (секретарь), К. И. Аристов, М. С. Багдасарьян, П. П. Гронский (тов. председателя), А. С. Дигусар (тов. председателя), В. Л. Дудкин, С. Н. Карпов, Г. С. Куртилин, В. В. Попов (казначей и библиотекарь) и Е. И. Унбегаун; членами Ревизионной Комиссии: I. В. Нестеров, Б. М. Сарач и Т. М. Якушев.

---

1. — 11 мая. — Сообщение **Г. М. Арнольди** — «Строители пятилетки о самих себе» (по поводу одной советской книги).
2. — 3 июня. — Общее годичное собрание РДО и банкет по случаю 10-летия РДО.
3. — 20 июня. — Доклад **А. Ю. Раппопорта** — «Суд и политика в СССР».
4. — 17 июля. — Доклад проф. **М. А. Курчинского** — «Меньшинства и эмиграция».
5. — 25 июля. — Собеседование со вступ. словом **Г. С. Куртилина** — «Идея Высшего Экономического Совета по данным анкеты газеты «Репюблик»
6. — 1 августа. — Собеседование со вступ. словом **А. А. Александрова** — «Единый фронт и защита демократии».
7. — 3 октября. — Собеседование со вступ. словом **К. И. Аристова** — «Организация демократии».
8. — 10 октября. — Собеседование со вступ. словом **Г. С. Куртилина** — «Проблема Высш. Нац. Экон. Совета во Франции».
9. — 17 октября. — Продолжение собеседования 3 - X — «Организация демократии».
10. — 24 октября. — Собеседование со вступ. словом **А С. Дигусара** — «Международное положение и наша тактика».
11. — 31 октября. — Доклад проф. **В. Н. Сперанского** — «Комсомол по новым данным».
12. — 7 ноября. — Доклад **П. Н. Тренина** — «Жизнь и быт красной армии».
13. — 28 ноября. — Доклад **Е. И. Унбегаун** — Сов. писатели и политика компартии».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь,
Господин Редактор,

в № 1-2 Вашего уважаемого журнала под заглавием «Р-д-ки в Югославии» помещено письмо из Белграда, в котором, между прочим, сообщается, что «наш кружок в начале октября начал функционировать». Дальше перечисляются доклады прочитанные в кружке.

Все названные в письме доклады были прочитаны в кружке «Беседа». Кружок этот совершенно замкнутый, об'единяет лиц самых разнообразных взглядов и ни в коем случае не может быть отнесен к организации РДО, как то могло быть истолковано по заглавию «Р-Д-ки в Югославии».

Поэтому мы просим напечатать настоящее наше письмо в ближайшем номере журнала.

Примите уверение в совершенном уважении,

Президиум кружка «Беседа» (подписи).
21 мая 1934 г. — г. Белград.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по средам и субб. от 8.30 ч. до 11 час.
78, rue Lourmel Métro Beaugrenelle

Заказную кореспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35. rue Jacob, Paris (6)